

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2017

№ 13

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«Текст. Книга. Книгоиздание»

И.А. Айзикова (Томск) – главный редактор
В.Ю. Баль (Томск) – ответственный секретарь
С.В. Березкина (Санкт-Петербург)
О.А. Дашевская (Томск)
В.С. Киселев (Томск)
В.В. Мароши (Новосибирск)
Д.А. Олицкая (Томск)
А.В. Подчиненов (Екатеринбург)
Г.Н. Старикова (Томск)
Е.И. Тулякова (Томск)
К.И. Шарафадина (Санкт-Петербург)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Исабекова У.К.</i> Особенности исторического развития концепта <i>quit</i>	5
<i>Жилыкова Э.М., Буданова И.Б.</i> «Фрина» Р. Кастельвеккио и «Нерон» П. Косса в переводах А.Н. Островского	17
<i>Сумцова О.В.</i> Первый русский перевод первого романа «установленного факта» Ч. Рида «It's never too late to mend»	32

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Серягина Ю.С.</i> Немецкая поэзия XVIII–XIX вв. в сибирской печати 1880–1910 гг.	57
<i>Есипова В.А.</i> Научная библиотека Томского государственного университета и европейские сетевые библиотеки: возможности для сотрудничества	76
<i>Дворцова Н.П.</i> Томск книжный: эпоха цветущей сложности	85

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Андреева В.А., Шарафадина К.И.</i> Разработка и реализация системной дизайн-концепции учебной книги по русскому языку для польских гимназий	91
<i>Ершова Ю.А.</i> Подходы к построению типологической модели электронных учебных изданий для высшей школы	99
<i>Теплякова А.О.</i> Применение краудфандинга в издательском деле	108
Сведения об авторах	116
Правила оформления статей	118

CONTENS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Isabekova U.K.</i> Features of the historical development of the concept “qut”	5
<i>Zhilyakova E.M., Budanova I.B.</i> “Phryne” by R. Castelvechio and “Nero” by P. Cossa in the translations by A.N. Ostrovsky	17
<i>Sumtsova O.V.</i> The first Russian translation of the first matter-of-fact romance by Ch. Reade <i>It’s Never Too Late to Mend</i>	32

BOOK IN CULTURE

<i>Seryagina Yu.S.</i> German poetry of the 18th–19th centuries in the Siberian periodicals of the 1880s–1910s	57
<i>Esipova V.A.</i> Tomsk State University Research Library and European network libraries: opportunities for cooperation	76
<i>Dvortsova N.P.</i> Tomsk in books: the epoch of the blooming complexity	85

BOOK PUBLISHING

<i>Andreeva V.A., Sharafadina K.I.</i> Development and implementation of the system design concept of a Russian language textbook for Polish gymnasiums	91
<i>Ershova Yu.A.</i> Approaches to the construction of a typological model of electronic educational publications for higher education	99
<i>Tepliyakova A.O.</i> Application of crowdfunding in publishing	108
Information about the authors	116
Author guidelines	118

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 811.512.1

DOI: 10.17223/23062061/13/1

У.К. Исабекова

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА QUT

***Аннотация.** В статье рассматривается концепт *qut*, имеющий в тюркском миропонимании множество значений, с ним связаны также многочисленные суеверия и табу. Концепт *qut* корнями уходит в мифологическое прошлое древних тюрков. Содержание слова *qut*, первоначально имевшего значения «счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех человека», со временем усложнялось и превратилось в концепт, выражающий особенности представлений народа о своем благополучии. Ныне *qut* связано с представлением о священном, святом. Исследуя концепт *qut* в аспекте времени, можно отметить, что в древнетюркских текстах понятие высшей силы, ниспосланной Небом, свойственное смысловой парадигме данной лексемы, со временем развивалось, уточнялось и стало широко использоваться для передачи нового содержания в Средние века.*

Ключевые слова: исторический текст, концепт, понятие благополучия.

Сущность любого этноса, начиная с древнейших времен и до настоящего времени, его мировоззренческая система, народный дух находят отражение прежде всего в языке. Благодаря такой содержательной структуре язык является не просто знаковой системой, но и показателем культуры. Поэтому современная лингвистика, изучавшая язык на структурном уровне, взяла курс на исследование языка с антропоцентрической точки зрения, рассматривающей язык как диалектико-динамическое явление. Современное языкознание, основываясь на антропологическом принципе исследований, сформировало теорию единства «человек и язык». В антропологических исследованиях язык понимается не только как «средство общения между людьми», но и как средство формирования мировос-

приятия и миропознания народа, информационных связей, межличностных и социальных отношений, как собиратель многовекового опыта этноса, общественных знаний и как этнокультурный феномен, передающий их будущим поколениям. В связи с этим всестороннее исследование природы языка в его взаимосвязи с системой восприятия и мышления человека способствовало становлению и развитию когнитивной лингвистики как новой области науки о языке. Этот феномен языка делает необходимым рассмотрение познавательных языковых единиц в этнической картине мира только в контексте духовных ценностей народа. По мнению Е.С. Кубряковой, когнитивисты не могут удалиться от междисциплинарных связей, и только при помощи психологии, лингвистики, антропологии, философии можно определить основы концептуальной системы природы мышления, понимания опыта [1].

Информационный поток, который дает сведения о таких духовных ценностях народа, как мифологическое знание о мироздании, его морально-этические и философские воззрения на создателя и бытие, на живую и неживую природу, соединяясь в единое целое с его эстетическими представлениями, находит отражение в познавательных единицах. Поэтому изучение таких языковых единиц в триединстве «язык – мышление – культура», связывание их этнокультурного содержания с «человеческим фактором в языке», раскрытие роли познавательных единиц в формировании картины мира, определение отраженных в языковых единицах национально-культурных ценностей, констант культуры являются актуальными задачами антропоцентрического направления в языкознании.

В свою очередь, систематизация и обобщение познавательных языковых знаков, встречающихся в письменных источниках литературного, лексикографического, этнографического характера, их идентификация на межъязыковом уровне с точки зрения формы и содержания – всё это указывает на новый уровень развития лингвистической науки и межпредметных связей. Стремление к раскрытию стоящих за языковыми знаками особенностей понятий и опре-

делений, составляющих архаический пласт знаний народа о миро-здании, определяет актуальность предпринятого исследования.

Человек как представитель определенного этногенетического со-общества в процессе освоения окружающей среды не просто за-крепляет свой общественно-культурный, познавательный опыт в языке – через значения слов и их ассоциативные связи в концепту-альной картине мире формируется национально-культурный коло-рит. В связи с этим в определенных языковых единицах, ассоции-рующихся в сознании носителя языка с национально-культурными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.д., закрепляются кон-кретные познавательные смыслы, и это придает языку свойства устойчивости, целостности и законченности.

Таким образом, изучение подобных познавательных единиц в тюркских языках способствует определению сложившихся исто-рически духовно-культурных ценностей и их актуальных смыс-лов. Одной из таких познавательных единиц, представленных в казахском мировоззрении, является понятие *qut*. При анализе сложной структуры значений данного слова важно учитывать такие внутренние и внешние связи, как лексическая синтагмати-ка, парадигматика и эпидигматика. Воззрения казахского народа, вкладываемые в концепт *qut*, невозможно полностью раскрыть без использования когнитивного метода, потому что «в словах мы находим то, как человек представляет определенную вещь, воспринимая ее главным образом так, как это преподносит ему язык, т.е. язык представляется сущностью, которая интерпрети-рует мир» [2. С. 50].

Лексема *qut*, носящая в себя глубокий познавательный смысл, является языковой единицей, связывающей современные тюркские языки с истоками, поскольку принадлежит к древним исконным корням словарного фонда. Приведем в пример производные лекси-ческие единицы: *құтты*, *құтсыз*, *құтаю*, *құтпан*, *құтекей*, *құтты*, *құтықта*, *құттылық*, *құтхана*, *құты қапшы/ұшыты*, *құтты бол-сын*, *құтты жеріне/орнына қондыру*, *құтты қонақ болу*, *құт-береке*. В употреблении данных слов реализуются семы «богатство,

достаток, изобилие». Напомним пословицу: *Құтты қонақ келсе, қой егіз табады, құтсыз қонақ келсе қойға қасқыр шабады* (Если придет благодатный человек – человек с удачей и счастьем, у овец появляются двойни, если придет неблагоприятный гость – человек без удачи и счастья – на овец нападают волки) [З. С. 419], образованную на основе лексемы *qut*.

В казахском миропонимании *qut* связано с понятием священного, святого. В самосознании казаха счастье и единство семьи связываются с женщиной, поэтому большие, многочисленные семьи, живущие в благополучии и достатке, называют *құт қонған*.

Одно из устоявшихся в языке значений лексемы *qut* – ‘быть опорой, прибежищем’. К примеру, когда в дом впервые входила молодая невестка, желая, чтобы она стала опорой для семьи и привнесла в нее *qut* ‘благополучие’, ей говорили *қадамың құтты болсын* ‘пусть будет счастливым твой приход’. Также у казахов по случаю какого-либо радостного события в семье принято поздравлять устоявшимся словосочетанием *құтты болсын* ‘пусть будет благо’. В основе этого казахского пожелания *құтты болсын!* заложено понимание того, что любое радостное событие свершается благодаря поддержке Небес, воле Всевышнего, и пожелание, чтобы это длилось долго.

По мировоззрению казахов, для которых источником жизни было скотоводство, увеличение стада овец или косяков лошадей приписывалось одной из овцематок или кобыл, и считалось, что она *құты қонған, киесі бар* ‘благая’, отмечена ‘святым покровителем’, и, соответственно, скотоводы старались обеспечить данной овцематке или кобыле особый уход и заботу. Если она погибала, люди переживали это как разрушение благополучия семейного очага, в таких случаях употребляется фразеологизм *өзімен бірге құты кетті* ‘она унесла с собой и благо’.

Когда на свет появлялся ребенок, желая, чтобы он принес семье *qut* и сам рос счастливым и удачливым, нарекали его именами с корнем *qut*: *Құттыбай, Құттыбек, Құтым, Құттықыз, Құтты-бала* и др., а собаке, считавшейся одним из семи сокровищ на свете, давали клички *Құтжол, Құттыаяқ*.

Со словом *qut* связаны многочисленные суеверия и табу, существующие в казахском миропонимании: *дастарқанды баспа, құты қашады* ‘не наступай на дастархан (скатерть), исчезнет благо с дастархана’, *бас киімді сыйлама, басыңнан құт кетеді* ‘не дари свой головной убор, уйдет из головы благо, счастье и удача’, *қазаныңды біреуге берме, отбасыңның берекесі қашады* ‘не дари свой казан, убежит благополучие и достаток семьи’, *мал сатсаң не сыйласаң, басжібін бермей, шешіп алып қал, малдың басжібімен бірге құты кетеді* ‘когда даришь или продаешь скот, не отдавай его поводок, убежит покровитель скота’. Это служит еще одним доказательством того, что понятие *qut* считается священным, сакральным.

Активное использование производных слов «*құтты*», «*құтсыз*», «*құттықтау*» и др., образованных от мифемы *qut*, применение словоформ «*құтты*», «*құтсыз*» и к людям, и к животным, и к вещам, к одежде, показывают расширение сферы функцией исследуемой единицы. Первоначальный смысл данной лексемы, содержащий понятие «дух», «внутренняя сила, мощь», развиваясь, приобрел значения «счастье», «достаток», «богатство», «изобилие», «обилие», «согласие», «единство», а вместе с ними и «преумножившийся», «опора», «покровитель».

Еще одна из особенностей понятия *qut* в мировосприятии казахов – использование данного концепта в качестве одного из мерила, критерия духовных ценностей. *Qut* понимается как вознаграждение со стороны Обладателя высшей силы за хорошие деяния народа, семьи, отдельного человека, за мягкий нрав и хорошие дела в них поселяется *құт* – *құт қонады*, или они становятся обладателями *құт* – *құтқа ие болады*. Иными словами, установление взаимоуважения и солидарности между членами семьи связывается с приходом *құт* – *құттың қонуы*. Также считалось, что в таких кухонных принадлежностях, как казан, поднос, торсук, саба, күбі и др., и в бытовых предметах: колыбель, сундук, мешок, дорба и др. может поселиться *qut*, несущий в себе достаток и изобилие. Поэтому в семье относились к данным вещам и посуде с почетом, стараясь содержать их в особой чистоте; а если в доме не было единства, чи-

стоты и быт был беспокойным, то понимали, что «из этого дома убежал *құт*» – *ол үйдің құты қашиқан/ұшиқан*.

Концепт *qut*, имеющий в казахском миропонимании множество значений, корнями уходит в мифологическое прошлое древних тюрков: *qut* в древнетюркском языке имел следующие значения «QUT I 1. душа; жизненная сила, дух. 2. календ, элемент, QUT II 1. счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех; счастливый удел; 2. перен. достоинство, величие; 3. рел. состояние истинного бытия, блаженства (обычно о будде, архате), блаженство; QUT III имя собственности» [4. С. 471–472].

Глубоко устоявшееся в миропонимании древних тюрков понятие *құт киесі* ‘обладатель блага, благодати’ правильнее будет рассматривать как архаическое, передававшееся из поколения в поколение через мифологическую память. Содержание используемой в текстах орхоно-енисейских памятников лексемы *qut* показывает, что она является лингвомифологической единицей, отражающей тюркский этнобыт. Например, в памятнике Кюль-тегину: *kisre, teŋri jaŋılqazu, qutum bar ücün öltäci bodunuy tirigrü igi[d]tim, jalaŋ bodunuy tonlu çïyaŋ bodunuy baj qïltim, az bodunuy üküс qïltim, iŋar elligä (iŋar kaŋanlıyda jār qïltim, tört buluŋdaqi)* ‘того, – да будет (ко мне) Небо благосклонно, – так как на моей стороне было счастье и удача, то я поднял (т.е. призвал) к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ. Там, где верные племенные союзы и верные каганы, я творил добро (т.е. действовал справедливо и милостиво). Живущие по четырём углам (т.е. странам света)’ [5]. Из данного контекста можно заметить, что только тогда, когда человеком доволен Тенгри, *qut* будет с людьми, и когда *qut* с ними, можно преодолеть все трудности.

В древнетюркский период концепт *qut* воспринимается как духовная ценность высшего уровня, которая активизируется, однако, только по божьему (Тенгри) велению. Изучение памятников показывает, как активно использовалось данное слово в развитии картины мира, как расширялись и развивались его значения и функции.

Известно, что в развитии любого концепта большую роль играет пространство. Говоря о роли категорий времени и пространства в процессе развития соотношения познания и языковой картины мира, Г.М. Костюшкина отмечает, что со временем представления об окружающей среде у человечества расширяются, это, в свою очередь, приводит их к наполнению новым содержанием [6. С. 6–13]. Наряду с этим исследователь указывает на сильное воздействие экстралингвистического фактора: «...человеческое сознание производит всякий раз своеобразную концептуализацию реалий окружающего мира в зависимости от национальных этно-, гео-, социо-, психо- и другого рода факторов. Более того, пространственно-временное представление языка и его систем связано с формированием психики и сознания человека» [7. С. 39]. В целом исследователи выделяют такие признаки лингвокультурных концептов, как комплексность, ментальность, ценностность, условность, неопределенность границ, многомерность и т.д. [8. С. 14]. В этой связи можно видеть, как содержание слова *qut*, первоначально имевшего значения «счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех человека», со временем усложнялось и превратилось в концепт, выражающий особенности представлений народа о своем благополучии.

В понимании тюрков связь слова *qut* с высшими небесными силами привела к использованию его вместе с понятием Умай. В трудах историков и этнографов имеются сведения о том, что понятие *qut* у древних тюрков связано и с Умай, и со священной горой Өтүкен (*құтты Өтүкен*), что позволяет представлять *qut* в образе женщины.

Понятие *qut* в нашем исследовании, хотя и наделено особыми силами, не стоит в одном ряду с понятием «Тенгри». Л.П. Потапов так охарактеризовал последнее понятие: «Религиозные представления древних тюрков обладают поразительной устойчивостью... Верховным божеством у древних тюрков считалось Тенгри, почитание которого уходит корнями в хуннскую эпоху. Древние тюрки устраивали Тенгри специальное моление» [9. С. 265–285].

Как было показано, концепт *qut* является сложной конструкцией с присущей только ей макросистемой, связанной с идеей тенгриан-

ства. Священное понятие *qut* у древних тюрков представляло собой субстанцию, не только приносящую человечеству жизненные силы, богатство, достаток, честь и славу, но и олицетворяющую собой покровителя четырех видов скота, растений. Особенно это относится к женскому началу, обеспечивающему продолжение жизни, преемственность поколений. Кроме того, использование правящей тюркской аристократией данного понятия для воздействия на рядовых тюрков в целях укрепления государственного строя и установления своего господства способствовало углублению понимания народом данного содержания «*qut*».

Человек закрепляет свое определенное представление о природе в значении слова и по истечении времени, анализируя свой опыт и соотнося его с новой информацией, накопленной в процессе познания мира, выводит свое обновленное понимание бытия-природы. Р. Павлиненис пишет, что язык как бы встроен в концептуальную систему и «служит для дальнейшего строения и символического представления ее содержания», и указывает: «Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» представляет собой концептуальную систему [10. С. 101–102]. Это позволяет сделать вывод о том, что при развитии концепта в процессе познания учитываются первоначальные сведения, а через них осознаются и новые. В связи с этим в представлении народа первоначальное понимание концепта *qut* дополняется новым содержанием. В процессе создания нового знания человек, основываясь на уже имеющихся в его сознании положениях, опираясь на свои размышления о мироздании, о его закономерностях, собирает новые факты и сохраняет их в памяти. Исследуя концепт *qut* в аспекте времени, можно отметить, что он получил всестороннее развитие в Средние века. Древнетюркское понятие высшей силы, ниспосланной Небом, свойственное смысловой парадигме данной лексемы, со временем развивалось, уточнялось и в Средние века

стало широко использоваться для передачи нового содержания¹. К примеру, «*qut qiv* парн. – счастье, благополучие, благодать; удача; счастливый удел; *qut qivü bersä idim qulıña / kündä işi jüksäbän joqar ayaq* ‘если бог ниспошлет (букв. даст) рабу своему благодать, / дела того с каждым днем будут идти в гору’ (МК I 320); *qut bul* – достигать счастья, благополучия (МК II 122); *ažunqa badı kör tükäl qut qurı* ‘смотри, он опоясал мир поясом полного счастья’ (QBK 177); *arıy ol bu qut qiv arıyılıq tilär / süzük ol bu дәvlät süzükni qolar* ‘это счастье чисто, [и] оно требует чистоты; / это благополучие прозрачно, [и] оно требует кристалльности’ (QBK 109₁₅) [4. С. 472]; *Альт бермаган ел елиг қутсузы* ‘Рука берущая, но не дающая – рука без удачи’ [3. С. 252]; *аду қутсыз ажун қарып му мұнар* – ‘Вражий мир без *qut* состарился?’ [Там же. С. 430].

Священное понятие *qut* в миропонимании тюркских народов, как видим, берет начало в недрах архесознания, архаическая система ценностей, передававшаяся через общетюркское мифологическое и языковое сознание из поколения в поколение, стала средством воспитания у народа гуманизма, нравственности, чистоты. Кроме того, это в определенной степени языковой репрезентант, отражающий в языке общетюркское архаическое миропонимание, проявляющееся в качестве духовных и материальных ценностей человечества и Вселенной. Таким образом, концепт *qut*, обладавший в казахском миропонимании множеством значений и сохранивший в себе признаки древнетюркского мифологического мышления, в дальнейшем получил еще большее развитие.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. тр. М., 2006. С. 4–14.
2. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 2000. 400 с.

---

¹ Например, частота употребления лексемы *qut* в историческом тексте XI в. «Благодатное знания» встречается 325 раз, и это указывает на активность ее использования и широту семантического содержания.

3. Қайдар Ә. Халық даналығы. А. : Тоғанай Т, 2004. 560 с.
4. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л. : Наука, 1969. 676 с.
5. Костюшкина Г.М. Концептуальная систематика языка, речи и речевой деятельности как объект лингвистики // Вестник ИГЛУ. 2009. № 1. С. 6–13.
6. TÜRIK BITIG. URL: <http://bitig.org/index.php?lang=r&mod=1&tid=1&oid=15&m=1> (дата обращения: 11.01.2017).
7. Костюшкина Г.М., Озонова Л.Г., Попова А.А., Федотова М.А., Фетисова С.А., Фофин А.И., Эрдынеева Д.В. Концептуализация и категоризация в языке. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 2006. 584 с.
8. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. М. : Гнозис, 2007. Т. 1. 347 с.
9. Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. М. : Наука, 1973. С. 265–285.
10. Павлѐнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ. М. : Мысль, 1983. 286 с.

FEATURES OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE CONCEPT “QUT”

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2017, 13, pp. 5–16.

DOI: 10.17223/23062061/13/1

Uldar K. Isabekova, Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: isabekovauldar@mail.ru

Keywords: cognitive approach, concept, myth, well-being concept, Kyzyr ata cult.

Modern linguistics, based on the principle of anthropological studies, formed the theory of the unity of “man and language”. In anthropological studies the language is understood not only as a “means of communication between people”, but also as a means of formation of worldview and world knowledge of a people, information connections, interpersonal and social relations, as a collector of the centuries-old experience of an ethnic group, social knowledge and as an ethno-cultural phenomenon passing them on to future generations. Thus, the study of these cognitive units in the Turkic languages contributes to the determination of historically spiritual and cultural values and their actual meanings. One of these cognitive units represented in the Kazakh worldview is the notion “qut”. When analyzing the complex structure of meanings of the word it is important to consider such internal and external connections as lexical syntagmatics, paradigmatics and epidigmatics. The views of the Kazakh people invested in the concept “qut” are impossible to fully disclose without a cognitive method.

The “qut” lexeme, which has a deep cognitive meaning, is a linguistic unit linking the modern Turkic languages with its origins because it belongs to the ancient ancestral roots of the word stock. “Qut” in the Kazakh worldview is associated with the concept of the sacred, the holy. In the consciousness of the Kazakh the happiness and unity of

family is associated with a woman, so big families living in abundance and prosperity are called *құт қонған*.

One of the deep-seated meanings in the language of the “qut” lexeme is “to be a support, a refuge”. For example, when a young daughter comes into the house for the first time, they said “қадамың құтты болсын” [your coming be happy], wishing her to become a support for the family and bring “qut” [well-being]. Also, in case of a happy event in the family the Kazakhs use the following greeting settled phrase “құтты болсын” [be well]. The Kazakh wish *құтты болсын!* means that any happy event is accomplished thanks to the support of Heaven, the will of God, and the wish that it would last for a long time.

The “qut” concept is a complex structure with its macrosystem associated with the idea of Tengrianism. The sacred concept “qut” among the ancient Turks was a substance that not only brought the power of life, wealth, prosperity, honor, and glory to people, but also represented the patron of the four kinds of animals, plants. This applies particularly to the female principle, which ensures the continuation of life, the continuity of generations.

The sacred concept “qut” in the worldview of the Turkic peoples, rooted in the depths of archeconsciousness, archaic system of values, passed through the common Turkic mythological and linguistic consciousness from generation to generation has become a means of educating humanism, morality, purity. In addition, it is a language representative reflecting in the language the archaic Turkic outlook, manifested as the spiritual and material values of humanity and the universe. Thus, the “qut” concept that had many meanings in the Kazakh worldview and preserved the features of the ancient Turkic mythological thinking got even more development later.

References

1. Kubryakova, E.S. (2006) Ponyatie “paradigm” v lingvistike: Vvedenie [The concept of “paradigm” in linguistics: Introduction]. In: Kubryakova, E.S. & Luzina, L.G. (eds) *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike* [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics]. Moscow: ISSS RAS. pp. 4–14.
2. Humboldt, W. (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Translated from German. Moscow: OAO NG Progress.
3. Kaydar, Ə. (2004) *Khalıq danalıyы* [Folk Wisdom]. Almaty: Toñanay T.
4. Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R. & Shcherbak, A.M. (eds) (1969) *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Türkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.
5. Kostyushkina, G.M. (2009) Kontseptual'naya sistematika yazyka, rechi i rechevoy deyatel'nosti kak ob'ekt lingvistiki [Conceptual systematics of language, speech and speech activity as an object of linguistics]. *Vestnik IGLU*. Irkutsk: IGLU. pp. 6–13.
6. TÜRIK BITİG. (n.d.) *Language Committee of Ministry of Culture and Information of RK*. [Online] Available from: <http://bitig.org/index.php?lang=r&mod=1&tid=1&oid=15&m=1>.

7. Kostyushkina, G.M., Ozonova, L.G., Popova, A.A., Fedotova, M.A., Fetisova, S.A., Fofin, A.I. & Erdyneeva, D.V. (2006) *Kontseptualizatsiya i kategorizatsiya v yazyke* [Conceptualisation and categorisation in the language]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University.

8. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2007) Bazovye kharakteristiki lingvokul'turnykh kontseptov [Basic characteristics of linguocultural concepts]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1. Moscow: Gnozis.

9. Potapov, L.P. (1973) Umay – bozhestvo drevnikh tyurkov v svete etnograficheskikh dannyykh [Umai – the deity of ancient Türks in the light of ethnographic data]. In: Kononov, A.N. (ed.) *Tyurkologicheskiy sbornik* [Turkic collection]. Moscow: Nauka. pp. 265–285.

10. Pavilenis, R.I. (1983) *Problema smysla. Sovremennyy logiko-filosofskiy analiz* [The problem of meaning. Modern logical and philosophical analysis]. Moscow: Mysl'.

УДК 821.161.1 25

DOI: 10.17223/23062061/13/2

Э.М. Жилиякова, И.Б. Буданова

«ФРИНА» Р. КАСТЕЛЬВЕККИО И «НЕРОН» П. КОССА В ПЕРЕВОДАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО

***Аннотация.** В статье рассматриваются незавершенные переводы А.Н. Островского двух пьес итальянских авторов: «Фрина» Р. Кастельвеккио и «Нерон» П. Косса. Выявляются особенности переводческой манеры Островского и ставится вопрос о значении этих пьес для позднего творчества русского драматурга.*

***Ключевые слова:** А.Н. Островский, Р. Кастельвеккио, П. Косса, перевод, психологизм, проблема жанра.*

Переводы А.Н. Островского итальянских авторов стали важным событием в истории русской и европейской культуры. Осуществленные в широком историко-культурном контексте, они расширили горизонты русской культуры, познакомили русский театр, литературу, читателя, критику с особенностями итальянской драматургии, с представлением о национальных типах общечеловеческого характера.

Среди пьес, переведенных Островским полностью («Заблудшие овцы» Т. Чикони, «Великий банкир, или Уплата миллиона по предъявлению» И. Франки, «Кофейная» К. Гольдони, «Семья преступника» П. Джакометти, «Мандрагора» Н. Макиавелли), находятся тексты начатых и неоконченных переводов. Два из них представляют перевод комедии на историческую тему «Фрина» Рикардо (Роберто) Кастельвеккио (1814–1894) и исторической комедии «Нерон» Пьетро Косса (1830–1881).

Автор публикации чернового перевода «Фрины», Д.К. Петров, в статье «От редактора» в 1923 г. объяснял причину интереса к незавершенному отрывку: «Перевод казался А.Н. Островскому не трудным, но пьеса была из греческого быта, и потому ее нужно истолковать и прокомментировать. А для этого А.Н. Островскому понадобились выписки из разных ученых книг, что и затянуло ра-

боту. Рукопись, которую мы печатаем, кое в чем сохранила отголоски книг, забранных Островским из университета. Почему перевод оказался незаконченным, мы не знаем; однако напечатать его представляется нам все-таки необходимым. Во-первых, потому что от такого писателя, как автор “Грозы”, дорога каждая строка, а, во-вторых, потому, что перевод “Фрины” еще раз доказывает, как наш драматург любил итальянскую литературу. Наконец, отрывок “Фрины” будет интересен и для того, кто захочет дать подробную характеристику А.Н. Островского как художественного переводчика» [1. С. 156–157].

Обе пьесы посвящены изображению Древней Греции и Рима. Создание переводов в 1878 г. непосредственно было связано с журналом друга А.Н. Островского, художника и скульптора М.О. Микешина (1835–1896). Он вместе с профессором А.В. Праховым (1876–1916), известным искусствоведом, специалистом по живописи и скульптуре Греции и Рима, редактировал и издавал еженедельный иллюстрированный журнал «Пчела» с 1876 по 1878 г. Микешин обратился к Островскому с просьбой поддержать журнал. 26 марта 1876 г. он пишет драматургу: «Волею обстоятельств и собственного желания сделался я ныне редактором-издателем русской иллюстрации “Пчела”; в обществе с таким солидным человеком, как профессор А.В. Прахов. <...> Коли бы ты восхотел загнуть что-нибудь в русском легендарном, сказочном или фантастическом пошибе – с чертами, лешими, домовыми, русалками, кощеями и т.п., то это бы мне было сугубо на руку» [2. С. 234–235].

27 апреля 1878 г. Островский пишет Микешину: «Ты желаешь знать, как мне сказывал Родиславский, что за “вещь” я для тебя готовлю, – изволь, я скажу, но попрошу помолчать куда! Это перевод в стихах только что появившейся итальянской пьесы “Фрина”. В ней одно из действующих лиц скульптор Пракситель. Задержал я перевод потому, что люблю опрятность. Перевесть ее недолго, и труда большого нет; но для людей, не знающих древней греческой жизни, в голом переводе она будет непонятна; понадобились примечания и объяснения. Для этого пришлось забрать из университетской библиотеки

охапку книг на разных языках, преимущественно древних. Выписки и переводы и заняли у меня очень много времени. Теперь эта работа почти кончена, и я скоро пришлю тебе половину своего перевода. Вся пьеса займет номера четыре, а может быть, и более. <...> Есть великолепная картина Жерома “Фрина перед судьями”¹; пьеса, которую я перевожу, служит как бы объяснением к ней» [З. Т. 11. С. 603]. Автограф перевода хранится в Пушкинском Доме, а публикация осуществлена Д.К. Петровым [1. С. 108–155].

Большая «справочная» работа Островского была связана с изучением «древней греческой жизни». Следы чтения Островским «справочной» литературы можно заметить в рукописи. Так, на полях рядом с именем «Сафо» написано: «Женщина поэт из Миттелен на остр<ве> Лезбосе», или внизу страницы, на которой упоминается «Иллис», следует запись «Иллис речка в юж<ной> части Афин» [Там же. С. 146].

Имя Фрины (IV в. до н.э.) окружено легендами. Лучшее творение Праксителя – статуя Афродиты Книдской – монументальное изображение обнажённой женской фигуры. В древности утверждали, что моделью Праксителя была его возлюбленная, гетера Фрина. В основу сюжета пьесы Р. Кастельвеккио положил легенды о Фрине. Гетера, славившаяся как обладательница идеальной фигуры и светлого разума, благодаря признательности своих возлюбленных получила значительное состояние. Когда Александр Македонский разрушил стены Фив (336 г. до н.э.), Фрина предложила горожанам отстроить их заново на свои средства, при условии, что на них будет установлена памятная доска: «Фивы были разрушены Александром и восстановлены Фриною». История создания ее скульптуры Праксителем, отношения гетеры с великим оратором Гиперидом (ее остывшее чувство, а потом вновь вспыхнувшая любовь) и решение ареопага о судьбе женщины, нарушившей Элевзинские праздники, стали сюжетом пьесы.

---

¹ Названный Островским французский художник, живописец и скульптор Жан-Леон Жером (1824–1904) выставил полотно «Фрина перед Ареопагом», на котором предстали обнажённая Фрина и изумлённый её красотой Ареопаг, в 1861 г. в Салоне.

Судя по письму Островского, перевод «Фрины» был первоначально задуман в связи с образом скульптора Праксителя.

Островским были переведены Пролог и 9 сцен первого акта. Перевод Пролога датируется 22 февраля 1878 г. [1. С. 108]. Здесь происходит знакомство греческой гетеры Фрины, приехавшей в Афины из провинции, с юными столичными гетерами и их поклонниками – юношами из школы Платона, а также с оратором Гиперидом. Фрина наделена красотой и сильным характером. Она заставила афинскую молодёжь считаться с собой и пленила оратора Гиперида.

Перевод первого действия датируется 26 февраля 1878 г. [Там же. С. 128]. В нем Фрина, по прошествии 10 лет одержима мыслью о бессмертии, которое ей принесёт возрождение Фив. В диалогах с тремя персонажами – Праксителем, Гевцием и Гиперидом – раскрывается сила её характера и величие замысла. В лице Праксителя, влюблённого в неё и вдохновлённого ею, проводится мысль о величии идей, питающих художников. Островский, отлично владевший итальянским языком, сделал перевод близким к тексту пьесы Р. Кастельвеккио. В данном случае особый интерес представляет редакторская работа Островского над собственным текстом перевода. Особенность черновой рукописи состоит в том, что в ней запечатлен процесс непосредственной работы переводчика.

Весь текст, за исключением одного отрывка, переведен стихами. Прозаический отрывок представляет собой характеристику завоевательной политики Александра Македонского в Фивах, данную Фриной: «Скажи, кто разоряет огнем и мечем славный город и торжественно с нахальным смехом проезжает по развалинам, ругаясь над трупами храбрых, потом засеет солью пустое место: какое дело он делает?» [Там же. С. 135]. Эта характеристика продолжается и уточняется в стихотворной форме:

Победитель,
И полубог, которому и храмы
И статуи, и арки воздвигают,
Есть варвар, возносящий трон кровавый.
Над пеплом побежденных городов [Там же. С. 135].

Большинство правок в рукописи связано с работой Островского над совершенствованием формы 5-стопного ямба. Примеры многочисленны. Еще в Прологе сделаны первые изменения – в разговоре учеников школы Платона и возлюбленных гетер:

Итальянский текст	Перевод Островского: было	Перевод Островского: стало
A. Hai teco Un carbone? M. Non l'ho, ma il troveremo <...> [4. P. 4–5].	<i>Аристипп</i> <u>Нет уголька с тобою?</u> <i>Менандр</i> Найдется.	<i>Аристипп</i> <u>А уголька с тобою нет?</u> <i>Менандр</i> Найдется [1. С. 113. Подчеркнуто здесь и далее нами. – Э.Ж., И.Б.].
S. Non ad Amore, Sacrifico alla dinna; il primo è un rio, Mortifero velen, la donna in- vece È l'antidoto suo [Ibid. P. 5–6].	Или: Слова Сенократа «Я не ищу любви. / Любовь есть яд; / Я женщину ищу» – имели другую последовательность: «Ищу» зачёркнуто карандашом, и фраза переставлена в следующий стих, который должен читаться: <i>Сенократ</i> <u>Я не любви, а женщину ищу.</u>	<i>Сенократ</i> <u>Я не ищу любви.</u> <u>Любовь есть яд; я женщину ищу</u> [Там же. С. 114].

Аналогичные правки находятся на других страницах:

Qui mi chiamano i fati e qui risplende L'astro de' miei destini [4. P. 10].	<i>Фрина</i> Сюда судьба ведет меня, и здесь-то <u>Заблещет ярко звезда</u> <u>моя.</u>	<i>Фрина</i> Сюда судьба ведет меня, и здесь-то <u>Звезда моя заблещет ярко</u> [1. С. 119].
P. Fiamme Vibranoglicchituoì, parmiil- sembiante D' un' ispirata! [Ibid. P. 27].	<i>Пракситель</i> <u>Лицо твоё горит,</u> бросают пламя Глаза твои.	<i>Пракситель</i> <u>Горит лицо твоё,</u> бросают пламя Глаза твои [Там же. С. 134].

Однако работа над стихотворной формой сочеталась с поисками оттенков, психологических деталей, направленных на поэтизацию образов Праксителя и Фрины.

Все эти правки сделаны в диалоге Фрины с Праксителем. Художник признаётся в своих чувствах: «Я Фрину обожаю. Красотою / Она моё искусство вдохновляет». Сверху в скобках Островский дополняет: «Красотою / Невиданной она одушевляет» [1. С. 130]. Замысел Фрины восстановить Фивы Пракситель оценивает как «благородное», а не просто «великое» дело.

Пракситель

Но кто же

Вложил в тебя такую мысль?

Фрина

Гробницы

Родителей и близких, уваженье

К умершим, ужас крови, прорицанье

Оракула Трофония, куда

Ходила я, босая, – по тропинкам

Лесным Герцинским; наконец желанье

Оставить память по себе в потомстве

И от забвенья имя уберечь.

Пракситель

Намеренье такое благородно

Велико, Фрина <...> [Там же. С. 136].

Первоначально ответ Праксителя был кратким: «Намеренье твоё велико, Фрина».

В соответствии с благородством и величием замысла Фрины Островский меняет в речи самой героини содержание надписи на городских воротах новых стен:

Итальянский текст	Перевод	Перевод Островского: было	Перевод Островского: стало
Distrutta da Alessandro, rialzata Per volontà di Frine [4. P. 28].	Разрушены Александром, воздвигнуты по воле Фрины.	Разрушены по воле Александра, Воздвигнуты по воле Фрины [1. С. 136].	Разрушены <u>великим</u> Александром, Воздвигнуты <u>веленьем</u> Фрины [1. С. 136].

В переделанной редакции усилен смысл исторических деяний Александра и Фрины. Если в первой редакции проводилась мысль о равной значимости Александра и Фрины (подчеркнуто повторялось «по воле»), то во второй редакции должно отдавалось Александру Македонскому («великий»), а тем самым наполнялось историческим смыслом и «веленье» Фрины.

Островский стремится подчеркнуть значимость дела Фрины, заменив два слова в её исповеди Праксителю:

Итальянский текст	Перевод	Перевод Островского: было	Перевод Островского: стало
Ahimè! l'altera Tebe, la bella dalle sette porte Spari dal mondo! Ei la distrusse, io voglio Riedificarla; chi dei due più grande, Giudichil'avvenir! [4. P. 27].	Ах! Гордые Фивы, красота шести морей, исчезли со света! Он их разрушил, я хочу восстановить; кто из двоих более велик, рассудит будущее!	<i>Фрина</i> Ах! А Фивы Древнейший город, красота и слава Беотии, исчезли без следа. Разрушил их великий победитель, А я хочу <u>восстановить</u> ; пусть потомство Рассудит: кто из нас двоих достойней <u>Славы</u> .	<i>Фрина</i> Ах! Фивы, Древнейший город, красота и слава Беотии, исчезли без следа. Разрушил их великий победитель. А я хочу <u>воздвигнуть</u> ; пусть потомство Рассудит: кто из нас двоих достойней <u>Бессмертия!</u> [1. С. 135].

В поэтизации образа Фрины участвуют многие герои. Так, речи Гевция, врага Фрины, дышат пониманием значительности личности гетеры:

Перевод Островского: было	Перевод Островского: стало
<i>Гевций</i> Пролетает По всем устам, <u>как мячик</u> , имя Фрины.	<i>Гевций</i> В народе имя Фрины, <u>Как молния</u> , из уст в уста летает [1. С. 139].

Это уточняющее сравнение (не «мячик», а «молния») подчеркивает во Фрине жизнелюбие, активность и несравненную красоту.

ту, признаваемые даже противниками. Это тем значительнее, что оценка даётся человеком, знающим цену Афинам и истории:

<i>Гевций</i> Красавицей тебя Афины знали [за- черкнуто] Да, но как красавицу, исполненную грации и очарования; теперь ты Являешься народу божеством, Взывая к жизни <u>погребенный</u> город	<i>Гевций</i> Афины знали красоту твою, Очей твоих чарующую силу, Теперь народу добрым божеством Ты кажешься, взывая к новой жизни <u>Похороненный</u> город [1. С. 139].
---	--

Подруга Фрины, Телезилла, называет ее победу «великой» и дает портрет, подчеркивая торжественность и значимость античного облика Фрины:

Перевод Островского: было <i>Телезилла</i> Теперь гетеры <u>Через тебя</u> победу одержали В твоём лице. <i>Телезилла</i> (Менандру) Видишь <u>зелень</u> Свежее стала в <u>волосах</u>	Перевод Островского: стало <i>Телезилла</i> Теперь гетеры <u>Великую</u> победу одержали В твоём лице [1. С. 145]. <i>Телезилла</i> (Менандру) Видишь <u>лавры</u> Свежее стали на ее <u>челе</u> [1. С. 147].
--	---

Особые черты характера Фрины как женщины раскрывались в I действии в ее диалогах с влюбленным в нее Гиперидом. Образ молодого оратора, судя по правкам Островского, оказался чрезвычайно важным. В отличие от Праксителя, Гиперид не поддерживает Фрину, он срывает с неё венок:

Итальянский текст F. Chefai? I. Ti tolgo un'onta – Malaccorta farfalla che svolazzi Avida della luce intorno al lume	Перевод Ф. Что ты дела- ешь? Г. Снимаю стыд – <u>Неосторожная</u> <u>бабочка</u> , которая порхает в жажде	Перевод Остров- ского: было <i>Фрина</i> Но что ж ты дела- ешь? <i>Гиперид</i> Снимаю стыд с тебя.	Перевод Островского: стало <i>Фрина</i> Но что же Ты делаешь? <i>Гиперид</i> Снимаю стыд с тебя. Бессмысленно, как
---	--	---	---

Acceso dagli stolti, e non t'avvedi Che in quel lume è la morte! [4. P. 40].	света от светоча, разожжённого глупыми речами, и не замечает, что в этом светоче есть гибель.	Как <u>мотылек</u> Бессмысленный, ты ищешь блеска И на огонь летишь Огонь есть смерть.	<u>бабочка ночная</u> . Ты ищешь блеска и в огонь летишь, Сгораешь, <u>безумная</u> – огонь – погибель» [1. С. 148].
---	--	--	---

В первоначальном тексте «бессмысленным» назывался «стыд»: «как мотылёк / Бессмысленный, ты ищешь блеска / И на огонь летишь. Огонь есть смерть» [1. С. 148]. В конечном варианте мотив погибели усилен: «в огонь летишь» (а не на огонь); «сгораешь»; Фрина называется «безумной», а образ «мотылька» заменяется «ночной бабочкой». В конечной редакции меняется образ Фрины: определение «бессмысленно» относится не к мотыльку, а непосредственно к Фрине, ищущей блеска; она хрупкая, как ночная бабочка, к описанию образа которой добавляется определение «безумная».

В основе гнева Гиперида лежит чувство обиды: Фрина отвергла его «капризным сердцем». И теперь в адрес Фрины хлынули слова, выдающие двойственное чувство Гиперида. Он оскорблен, измучен ревностью, одновременно жалеет её:

<...> и разорённый,
Измученный и ревностью убитый
Я всё-таки тебя возненавидеть
И проклинать не мог и не желаю.
Тот час, когда тебя из Керамика,
Безумный, опьянённый от любви,
Привёл я в дом к себе, припоминаю
Без горечи; того Судьба хотела.
Фрина
Ты презираешь Фрину?
Гиперид
Нет, жалею

[Там же. С. 149].

Диалог Фрины и Гиперида строится на столкновении двух непримиримых самолюбий. Фрина оскорблена тем, что он видит в ней только гетеру: «Ты только часу ждал» [1. С. 149].

<p>Итальянский текст F. Tuilgiorno-attendi <...> F. Perchè? I. Perchètusei... F. Finisci! achet'arrestì? Il nomemio Pronunciapur... sono un' etéra, sono Una femminavil! giàmeldicesti Le mille volte: ticompiaçi, godi Nelripeterlo a me! [4. P. 42].</p>	<p>Перевод Ф. Почему? Г. Потому что ты... Ф. Заканчивай! что остановился? Произнеси моё имя... я гетера, я презренная (1. <i>трусливый, малодушный, подлый, низкий, презренный;</i> 2) (<i>уст.</i>) <i>дешёвый, низкопробный; ничтожный, скверный</i>) женщина! уже ты говорил мне тысячу раз: ты получаешь удовольствие, радуешься, повторяя это мне!</p>	<p>Перевод Островского: было <i>Гиперид</i> А потому что ты... <i>Фрина</i> Оканчивай! Зачем остановился? Договори! «Что я гетера»... Так ли? <u>Презренная, ничтожная</u>» Не раз уж слыхала я, а тысячу ты повторял мне это [Бросать в лицо мне это имя. Что ж! – зачеркнуто] Корить меня названием гетеры.</p>	<p>Перевод Островского: стало <i>Гиперид</i> А потому что ты... <i>Фрина</i> Оканчивай! Зачем остановился? Договори! «Что я гетера»... Так ли? <u>«Презренная»</u>. Не раз уж от тебя слыхала я, а тысячу ты любишь Корить меня названием гетеры» [1. С. 149–150].</p>
--	---	---	--

В первоначальной редакции упоминание о гетере сопровождалось словом «презренная», за которым следовало «ничтожная». Вместо фразы «Корить меня названием гетеры» была зачёркнутая строка: «Бросать в лицо мне это имя. Что ж!» [1. С. 150].

В 9-м явлении Пракситель сообщает о победе Фрины в Сенате – и на этом перевод Островского заканчивается. Дата записи – 26 февраля 1878 г. Драматург в апреле 1878 г. сообщит М.О. Микешину о работе над пьесой, но... далее перевод не продолжится.

Драматическая коллизия I действия энергией чувства обманутого самолюбия, невозможностью примирения, двойственностью

страдающего сердца Гиперида чрезвычайно напоминала в общем своем рисунке отношения Карандышева и Ларисы Огудаловой из «Бесприданницы», над которой именно в этом, 1878-м, году завершалась работа. В этой пьесе Островский выводит типы героев, разрабатываемых русским романом. В центре внимания драматурга оказалась социально-психологическая коллизия, создаваемая психологической двойственностью героев. В душе Карандышева одновременно сочетаются жалость, отчаяние и высокомерное презрение как проявление амбициозности маленького человека. Столь же драматично, но по-своему, положение Ларисы: достойная и умная женщина в силу обстоятельств – бесприданница! Она поставлена в унижительное положение «игрушки». Лариса в последней встрече с Карандышевым высказывает ему все обиды за несостоявшуюся жизнь. И драма завершается выстрелом:

Карандышев. Скажите же: чем мне заслужить любовь вашу? *(Падает на колени.)* Я вас люблю, люблю.

Лариса. Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрели и смотрят, как на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала теплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла... ее нет на свете... нечего и искать. Я не нашла любви, так буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу.

Карандышев (вставая). О, не раскайтесь! *(Кладет руку за борт сюртука.)* Вы должны быть моей.

Лариса. Чьей ни быть, но не вашей!

Карандышев (запальчиво). Не моей?

Лариса. Никогда!

Карандышев. Так не доставайся ж ты никому!

(Стреляет в нее из пистолета) [З. Т. 5. С. 81].

Речь не может идти о буквальном следовании Островским за текстом пьесы Р. Кастельвеккио. Но Островским уловлено главное – двойственная природа характера героя и неразрешимость социальной и психологической коллизии.

В непереуведенной Островским части «Фрины» (II и III действия) события получают новый разворот. Фрина, поняв, что теряет любовь Гиперида, начинает борьбу за него. В элевзинский праздник в виде богини Афродиты она показывается Гипериду, зажигая вновь остывающее в нем чувство. И Гиперид, испытывая колебания, вновь признается ей в любви. Ведущей в этой части становится тоже борьба страстей в душах героев, но это уже в несколько другом ракурсе проблемы.

К этому же времени К.Н. Державин относит работу Островского над переводом исторической комедии П. Косса «Нерон» [5]. Неопубликованный фрагмент перевода А.Н. Островского – список действующих лиц и начало первого акта – хранится в РГАЛИ [6].

Интерес Островского к «Нерону» мог быть связан с необычностью изображения римского императора. Пьеса П. Косса, как и последующая драма «Мессалина», написана автором с веристских позиций. Настроения Рисорджименто пронизывают пьесу: трагическое оборачивается комедией, «Нерон смешон, а иногда попросту зауряден» [7]. От имени переводчика в «Отечественных записках» (1879) было напечатано «Предисловие» П. Косса «на замечания, сделанные ему отечественной критикой»: «Автор в нескольких словах поясняет свой взгляд на Нерона: “Нерон, говорит он, умер, восклицая: *Какой погибает великий артист!* Он и всегда артист, а не император; он труслив, суеверен, хвастун. Политический человек в нем ничтожен; Нерон-император, серьезный, величавый – не существует в истории. Жестокость и любовь к искусству – вот весь Нерон...”». Вероятно, не признавая большого значения в своем герое, автор и назвал свое произведение *комедией*² [8. С. 5].

В переводе Островского «Нерон» имеет жанровое определение «драма» [6. Л. 2]. Последние дни Нерона разыгрываются посреди людей театра того времени: в спор с Нероном вступают рабыня-гречанка, танцовщица Эклога, комедиант и шут Менекрат, мим

---

² Выделено в тексте «Отечественных записок».

Невий. Имущественно бедные, они духовно свободны и раскованы. Именно Невий гневно выговаривает Нерону слова порицания:

Привык ты к рабскому подобострастью,
И речь моя покажется тебе
Нова и дерзновенна <...>
На высоте могущества, Нерон,
Ты над богами и людьми смеешься;
Людским страданиям чуждый, непреклонный,
Глухой, как статуя, что ты воздвигнул
Себе <...> Кто ж сочтет
Несметные злодейства, над народом,
Свершенные клеветами твоими? [8. С. 34–35].

Эта смелость и дерзость не могли не импонировать Островскому, создававшему образы героев русской сцены, таких, например, как Робинзон в «Бесприданнице».

Изображение Нерона – тирана и убийцы как фигуры противоречивой, слабой, но одаренной любовью к искусству (он цитирует Гомера, Горация, Виргилия, упоминает о Лукане; на сцене появляется с ремаркой: «Нерон, сидя, диктует стих» [6. С. 2]), склонной к чувствительности (его нежное чувство к танцовщице Эклоге), несло в себе открытие частного человека в политике, человеческого начала в мире разгула и деспотизма. Рядом с Нероном столь же двойственна в своем чувстве его возлюбленная – Актея. Неоднократно признается она в непреодолимой ею любви к Нерону.

Я не думала, не знала,
Как глубоко могу любить. Нет сил –
Вот даже слезы... О, когда на троне
Блаженствовал он, низкий и всемогущий,
С толпою угнетенных заодно
Я сознавала право ненавидеть...
Вот он повержен... и не помню я
Ни прежнего страдания, ни обид!
Опять зажглась, опять горит любовь... [8. С. 77].

Возможно, решение прервать работу над переводом было связано с тем, что в 1879 г. в «Отечественных записках» [8] был опубликован перевод Н. Хвоцинской комедии П. Косса «Нерон».

Таким образом, интерес к пьесам современных итальянских драматургов на исторические темы был продиктован новыми процессами в творчестве Островского конца 1870-х гг., ознаменовавших его вниманием к глубоким социально-психологическим коллизиям, выходящим за пределы бытового театра, а вернее, придающим быту глубокую символику нравственно-философского содержания. Размышления драматурга над противоречивыми характерами, способными к проявлению крайностей в поведении, были связаны с открывшейся неоднозначностью процессов в духовной жизни человека, с особенностями времени, диктовавшего такие контрасты и получившие воплощение в произведениях русского искусства конца XIX в.

Литература

1. Петров Д.К. От редактора // Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Труды Пушкинского Дома при РАН / под ред. М.Д. Беляева. М. ; Пг. (Л.), 1924.
2. Неизданные письма к А.Н. Островскому. М. ; Л.: Academia, 1932.
3. Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. М. : Искусство, 1973–1979.
4. Castelvechio R. Frine. Milano : Fatelli Treves, 1891.
5. Державин К.Н. Один из неизвестных переводов А.Н. Островского // Научный бюллетень Ленинградского госуниверситета. 1946. № 9. С. 30–31.
6. РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2, 2 об., 3.
7. Потапова З.М. Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX века. М., 1973.
8. Косса П. Нерон // Отечественные записки. 1879. Т. 245, № 7. Отд. I. С. 5–80.

“PHRYNE” BY R. CASTELVECCHIO AND “NERO” BY P. COSSA IN THE TRANSLATIONS BY A.N. OSTROVSKY

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2017, 13, pp. 17–31.

DOI: 10.17223/23062061/13/2

Emma M. Zhilyakova, Irina B. Budanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru, irinabudanova@hotmail.com

Keywords: A.N. Ostrovsky, R. Castelvechio, P. Cossa, translation, psychologism, problem of genre.

The article deals with A.N. Ostrovsky's incomplete translations of two plays by contemporary Italian authors, R. Castelveccchio's "Phryne" and P. Cossa's "Nero".

The translation of "Phryne" was conceived in 1878 as an illustrative material in M.O. Kashperov's weekly magazine *Pchela* [Bee]. The manuscript of the translation of the Prologue and first nine acts of the play (stored in the Pushkin House, published by D.K. Petrov) is of interest to recreate the process of Ostrovsky's work on his text. It consisted in the improvement of the size of the 5-iambic pentameter, and in search of images, shades, psychological details contributing to the creation of deep images.

The play, written on a historical theme, interested Ostrovsky by its modern look on the human character. The action in the translated part of the play is based on the unsolvability of the socio-psychological conflict: Thais Phryne is inspired by the idea to restore the walls of the city of Thebes Alexander the Great destroyed, yet she is humiliated by the contempt of the speaker Hyperides to her social status. Hyperides, rejected, but pitying and loving her, is equally controversial and dual about her.

P. Cossa's historical play "Nero" (the translation of the characters list and the beginning of the first act is stored in Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)) attracted Ostrovsky's attention by the formulation of the problem of complexity and duality of the character of Nero and of his circle as well as the image of the life of the theater in its theatrical and circus existence. These experiences are reflected in "Bespridannitsa" [Without a Dowry], the work on which ended in 1878.

Interest in the plays of the contemporary Italian playwrights on historical topics was dictated by the new processes in the works of Ostrovsky at the end of the 1870s, marked by his attention to the profound social and psychological collisions beyond the scope of domestic theater or, rather, giving the domestic life a deep symbolism of moral and philosophical content.

References

1. Petrov, D.K. (1924) Ot redaktora [Editorial]. In: Belyaev, M.D. (ed.) *Ostrovskiy. Novye materialy. Pis'ma. Trudy i dni. Stat'i* [Ostrovsky. New materials. Letters. Works and Days. Articles]. Moscow; Petrograd: The Pushkin House, RAS.
2. Prygunov, M.D. (ed.) (1932) *Neizdannye pis'ma k A.N. Ostrovskomu* [Unpublished letters to A.N. Ostrovsky]. Moscow, Leningrad: Academia.
3. Ostrovsky, A.N. (1973–1979) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Complete Works and Letters. In 12 vols]. Moscow: Iskusstvo.
4. Castelveccchio, R. (1891) *Frine* [Phryne]. Milan: Fatelli Treves.
5. Derzhavin, K.N. (1946) Odin iz neizvestnykh perevodov A.N. Ostrovskogo [One of Ostrovsky's unknown translations]. *Nauchnyy byulleten' Leningradskogo gosuniversiteta*. 9. pp. 30–31.
6. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 236. List 1. File 7.
7. Potapova, Z.M. (1973) *Russko-ital'yanskije literaturnye svyazi. Vtoraya polovina XIX veka* [Russian-Italian literary connections. The second half of the 19th century]. Moscow: Nauka.
8. Cossa, P. (1879) Neron [Nero]. *Otechestvennyye zapiski*. 245(7). pp. 5–80.

УДК 821.111

DOI: 10.17223/23062061/13/3

О.В. Сумцова

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД ПЕРВОГО РОМАНА «УСТАНОВЛЕННОГО ФАКТА» Ч. РИДА «IT'S NEVER TOO LATE TO MEND»

Аннотация. В статье рассмотрена жанровая модель романа «установленного факта» как одна из наиболее популярных в викторианской литературе второй половины XIX в. Проанализирован первый русский перевод романа Ч. Рида «It's never late to mend», положившего начало названной жанровой модификации. Предлагаемая публикация открывает большой научный проект, посвященный исследованию романов «установленного факта» Ч. Рида и их переводческой рецепции в России (1850–1860-е гг.), что до сих пор не являлось специальным предметом изучения отечественных и зарубежных литературоведов.

Ключевые слова: Ч. Рид, роман «установленного факта», викторианская литература, эстетика, поэтика, реализм, романтизм, жанровые особенности, переводческая рецепция.

Актуальной проблематике викторианского романа посвящено большое количество работ известных отечественных и зарубежных ученых. Среди них можно назвать М. Пруви, Б. Лид, И. Хендерсон, Л. Бёри, Т. Брэг, Ю.Д. Левина, П.М. Алексеева, Д.М. Урнова, В.В. Ивашеву, И.М. Катарского, Н.П. Михальскую, Б.М. Проскурнина, Л.П. Шипицыну и др. В этой связи необходимо отметить, что русская переводческая рецепция романов многих писателей викторианской эпохи, таких как Ч. Диккенс, Ш. Бронте, У. Теккерей, достаточно изучена и освещена в научной литературе. Несмотря на то что во всех научных трудах в один ряд с Диккенсом, Теккереем, Элиот, Коллинзом ставят Ч. Рида, несмотря на популярность его творчества в России второй половины XIX в., что подтверждается большим количеством переводов, русские переводы его романов, да и само творчество этого писателя в отечественном литературоведении практически не изучены. Такие учё-

ные, как В.В. Ивашева, И.М. Катарский упоминают Чарльза Рида в своих исследованиях, но эти исследования посвящены творчеству Чарльза Диккенса.

Между тем активный интерес русской литературы 1850–1960-х гг. к эстетике и поэтике романного жанра обусловил то, что первые русские переводы романов Рида появились именно в этот период, и их значение определяется тем, что они были сделаны почти одновременно с выходом оригиналов в Англии и в контексте становления русского романа. Так, первый русский перевод первого романа «установленного факта» (*matter-of-fact-romance*), как называл свои романы сам Рид и как принято называть их в англоязычном литературоведении, «Лучше поздно, чем никогда», появился в России в 1857 г., буквально через год после выхода в свет подлинника «*It's never late to mend*».

Отдельной научной проблемой являются эстетика и поэтика романа «установленного факта». Большинство западных литературоведов (Э. Бейкер, Ш. Смит, М. Элвин и др.) называют Ч. Рида основателем этой жанровой модификации, не вдаваясь, однако, в осмысление её своеобразия. В отечественном литературоведении таким жанровым определением не оперируют, квалифицируя романы Рида как социальные или сенсационные. В.В. Ивашова, например, определяет их как «романы, рисующие факты, имевшие место в действительности, но выходящие из ряда обыденных... явлений и происшествий» [1. С. 380].

Опираясь на понятие «эффект реальности», введенное французским философом культуры и литературы Р. Бартом, нам предстоит разобраться в особенностях работы Рида с фактами, во многом определяющих специфику названной разновидности жанра романа, и, соответственно, в жанровой своеобразии романа Рида «*It's never late to mend*» и его первого перевода на русский язык.

Рассматривая на материале повести Г. Флобера «Простая душа» и «Истории Французской революции» Ж. Мишле ««лишние» по отношению к структуре детали» повествования, не оправдываемые «никакой функцией, даже самой косвенной», Барт ставит вопросы

о том, «все ли в повествовании значимо» и в чем «значение незначимости» [2. С. 392, 394]. Выделяя далее феномен литературного описания, строящегося именно на деталях, Барт утверждает, что со времен античного экфрасиса описание, основанное на наименовании объектов или его частей, как таковое выполняло сугубо эстетическую, риторическую функции, не подчиняясь «никакому реалистическому заданию», в то время как «общая структура повествования... представляется по сути своей *предикативной*» и потому «предсказательной» [Там же. С. 394, 392]. В продолжение данной мысли философ сравнивает исторические и художественные тексты, признавая, что не случайно в европейской культуре «реализм в литературе сложился примерно в те же десятилетия, когда воцарилась “объективная” историография» [Там же. С. 396]. Из этого следует утверждение, что стремление литературы максимально приблизиться к реальности (точнее, создать «эффект реальности») и определяет ее склонность к отточенным деталям. Уже в отношении флюберовских описаний Барт отмечает, что в них «с эстетической задачей смешиваются и “реалистические требования”», создающие «впечатление, что возможность и необходимость... наименования референта определяются только его точностью, которая стоит выше всех других функций или особняком от них» [Там же].

Витавшую в воздухе задачу переосмысления и создания «эффекта реальности» в художественном произведении, по Барту, являющегося «основой того скрытого правдоподобия, которое и формирует эстетику всех общераспространенных произведений новой литературы» [Там же. С. 398], Ч. Рид решает в написанных им романах «установленного факта» по-своему. Наполняя их множеством «повествовательных излишеств», ставших одной из важнейших характеристик его романного нарратива и выполняющих важную для писателя функцию: сказать читателю «мы – реальность», беря за основу своих сюжетов произошедшие в действительности события, непосредственно отсылающие к конкретной реальности, Рид вместе с тем считает необходимым подкрепить

искомую им «референциальную иллюзию» романа¹, его «новое правдоподобие» (когда «“реальность” как бы довлеет себе... у нее хватает силы отрицать всякую “функциональность”... сообщение о ней совершенно не нуждается во включении в какую-либо структуру и что “там-так-было” – это уже достаточная опора для слова» [2. С. 398]), традиционными, привычными для читателя художественными приемами нарратива, сюжетостроения, характерологии, выражения авторской позиции и т.д.

Роман «установленного факта» Рида синтезирует в себе поэтику как минимум двух художественных методов: реализма и романтизма, что и определило особенность работы писателя с фактом. В романах Рида всегда присутствуют две установки: на достоверное, полное (вплоть до мельчайших подробностей) изображение реальности и, одновременно, на удержание читательского интереса путем введения в нарратив элементов авантюрного, мелодраматического, подчеркнуто вымышленного повествования. Соответственно в сочинениях выстраиваются две сюжетные линии: отражение реальных (лично «установленных» автором) событий и фактов, призванных передать действительность в ее социально-исторических проявлениях, обусловленных устройством и деятельностью социальных институтов викторианского общества, его моралью, веяниями эпохи, и яркая приключенческая история с обязательной любовной тематикой, интерпретируемой в духе романтизма.

Отмеченный синтез сказывается и в характерологии романа. Рид по-особому воспринимал суть человеческого характера: его герои зависят от таинственных и непредсказуемых поворотов судьбы и в то же время детерминированы социальными факторами: происхождением, материальным положением, жизненными и бытовыми обстоятельствами, окружающими их людьми. Более

---

¹ Сущность ее, по Барту, в том, что «“реальность”, будучи изгнана из реалистического высказывания как денотативное означаемое, входит в него уже как означаемое коннотативное; стоит только признать, что известного рода детали непосредственно отсылают к реальности, как они тут же начинают неявным образом означать ее» [2. С. 399].

того, вслед за писателями-реалистами, Рид активно использует при создании образов своих героев принцип типизации, подразумевающий представление персонажа как человека социально, психологически, нравственно типичного. С особенным интересом писатель отнесся к новому для викторианской литературы образу «маленького человека», которого он сделал главным героем своих романов «установленного факта» наряду с представителями среднего класса и дворянства.

Таким образом, в систему героев *matter-of-fact-romance* Рида входят представители различных социальных классов, что, безусловно, призвано было дать предельно полную (и потому, по мнению Рида, достоверную) картину реальной общественной жизни: кроме фермеров, помещиков, священников, студентов, мореплавателей и т.д., это воры, пациенты психиатрических лечебниц, тюремные надзиратели.

Отношения между героями строятся по законам социума и истории и в то же время – в соответствии с канонами сенсационного романа, в котором и социальная проблематика, и герои и их отношения в первую очередь подчинялись законам авантюрного нарратива². С одной стороны, герои Рида, развитие их личности, поведение, поступки, характеры описаны в повседневной будничной рутине, окружающий их мир представлен в бытовых, порой натуралистических подробностях (особенно этим отличаются описания тюрем и клиник для психиатрических больных, пыток и злоупотреблений в социальных институтах). Но, с другой стороны, события, в которых участвуют герои и в которых раскрываются их характеры, решаются их проблемы, происходят на фоне ярких романтических пейзажей, в атмосфере бурной экзотики дальних стран, что является жанровым признаком *Sensation novel*, который уже в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского

---

² Многие западные литературоведы рассматривают роман «установленного факта» как некую жанровую модификацию сенсационного романа (М. Пруви, Б. Лид, И. Хендерсон, Л. Бёри), а иногда и вообще отождествляют данные жанры (Э. Элвин).

языка» 1907 г. определяется как получивший широкое развитие в Англии «роман с запутанным, сложным содержанием» [3. С. 511].

Кроме того, викторианская литература, как известно, своими корнями уходит в просветительскую идеологию, пропагандируя активное воздействие писателя на пороки общества. Основатель романа «установленного факта» Ч. Рид был известен среди своих современников прежде всего как автор произведений, отражающих злоупотребления, коррумпированность и несправедливость в социальных институтах викторианской Англии и требующих социальных реформ. Во многом в связи с этим во главу угла писатель ставил педантичное изучение реального происшествия, которое впоследствии становилось сюжетом его романа [4. С. 296]. Однако, как правило, социально-историческая проблематика повествования переводилась Ридом, в духе просветительских традиций, в нравственно-этическую и психологическую область. Отсюда, думается, вытекает образ автора-повествователя, занимающего позицию глубоко проникшего, путем личного постижения конкретных фактов, в суть реальности всеведущего проповедника, каковым он выступает на всех уровнях повествования, начиная с описаний окружающего мира и событий, происходящих в нем, и кончая авторскими рассуждениями и способностью «провидеть» мир мыслей и чувств своих героев.

***

Первый роман «установленного факта» Ч. Рида «It's never late to mend» был написан в 1856 г. В его основе реальная трагедия, произошедшая в Бирмингемской тюрьме: начальник тюрьмы У. Остин жестоко обращался с заключёнными, применяя физические пытки и моральные унижения, вследствие чего пятнадцатилетний подросток Эдвард Эндрюс покончил жизнь самоубийством. Трагедию обнаружил тюремный священник, подавший рапорт о злоупотреблениях тюремного руководства в высшие инстанции.

Переноса эти «установленные», документально подтвержденные факты реальности в художественный мир, создавая на их основе роман, Рид уделяет принципиальное внимание их социальной значимости, в частности, на этом фактическом материале он обращается к проблемам британского правосудия, к произволу, царящему в британских тюрьмах, к вопросам межличностных отношений в обществе. В деталях он описывает будничную жизнь фермеров; условия, в которых содержались герои романа, заключённые в тюрьму, устами повествователя выдвигает обвинения правоохранительной и правоприменительной государственной деятельности в Великобритании. Названные проблемы, в основном, решаются писателем в области общественной и личной морали и психологии, чему соответствуют и главный конфликт, и сюжетостроение произведения. В нем с первых страниц сталкиваются власть денег, принятая в социуме как негласный закон, и судьба конкретного человека, его личное счастье, отношения любви и дружбы.

Так, роман начинается с истории Джорджа Филдинга, испытывающего финансовые затруднения фермера. Он влюблён в Сусанну Мертон, но её отец не даст согласия на брак, пока Джордж не предоставит 1 000 фунтов. Господин Медовс, богатый и нечистый на руку помещик, также претендует на любовь девушки. Он делает всё от него зависящее, чтобы загнать Филдинга в долги и в то же время сделать господина Мертон, отца Сусанны, финансово зависимым от себя. Параллельно ведется сюжетная линия друга Джорджа, Тома Робинсона, которого арестуют за кражу банковских билетов и отправляют в тюрьму, а позже депортируют в Австралию. В Австралию отправляется и Джордж, чтобы вернуться финансово обеспеченным господином и вступить с Сусанной в брак. Действие романа перемещается из фермерской общины в тюрьму, затем в Австралию и снова возвращается на ферму, где добродетель вознаграждается, Джордж и Сусанна женятся, а происки господина Медовса раскрываются и его планы рушатся.

Характеры-типы, созданные в романе, образуют своеобразную систему, куда входят представители разных социальных слоев,

распределяющиеся в несколько групп: сугубо положительные, явно идеализируемые автором персонажи (пастор Иден, фермер Джордж Филдинг), сугубо отрицательные герои (прежде всего, начальник тюрьмы Гаус) и герои, наделенные и отрицательными, и положительными чертами и в силу этого развивающиеся на протяжении повествования (напр., помещик Медовс и представители преступного мира Джозефс и Робинзон). Особое место в этой системе занимает всезнающий автор-повествователь, носитель истины о настоящем, прошлом и будущем отдельного человека и общества в целом, в основе которой владение полнотой реальных фактов и вечные общечеловеческие идеалы. Устами повествователя в роман вводится авторская положительная программа, в центре которой идущая из недр просветительской идеологии идея доброй от природы человеческой души, изначально устремленной к совершению добрых поступков.

Так, например, Робинзон стал вором под давлением жизненных обстоятельств, из-за лицемерного и несправедливого общества, порождением и одновременно заложником которого он является. Читателю предоставляется возможность проследить довольно сложную линию его духовного развития: от дружелюбного простака до грубого и жестокого, потерявшего человеческий облик заключённого, духовно возродившегося под влиянием общения с тюремным пастором Иденом, благодаря которому, кстати, в тюрьме восторжествовала справедливость, и несчастные заключённые были освобождены от жестоких пыток начальника Гауса³. Впоследствии Робинзон предстаёт смелым и справедливым золотоис-

---

³ Начало этой истории положила трагическая судьба подростка Джозефса, не выдержавшего пыток Гауса и покончившего в тюрьме счеты с жизнью. Паренёк находился в тюрьме уже в третий раз за то, что украл кусок говядины, чтобы не дать умереть с голоду своей больной матери. Два предыдущих раза тоже были связаны с незначительными проступками, такими как воровство фруктов в саду. Причиной их тоже были голод и нищета. Тема нищенского существования низших слоёв общества, ведущая к преступлениям, параллельно была рассмотрена и в уголовно-сенсационных романах Ч. Диккенса «Оливер Твист» и «Крошка Доррит».

кателем, благодаря которому Филдинг в финале воссоединяется со своей возлюбленной.

Первый перевод романа «It's never late to mend» – «Лучше поздно, чем никогда: роман в 2 частях» – был впервые опубликован в журнале «Библиотека для чтения» в 1857 г. (№ 9–11). Напомним, что годом ранее в журнал пришёл новый редактор А.В. Дружинин, выступивший также и в роли ведущего литературного критика издания. Известно, что Дружинин ратовал за «сближение поэзии с действительностью», поддерживал изображение в искусстве правды жизни и высоко оценивал доскональное знание описываемого быта в творчестве Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, А.Ф. Писемского, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина. К тому же Дружинин был известен как поклонник английской литературы и сенсационного романа в частности. Скорее всего, этим объясняется место публикации рассматриваемого в статье первого перевода романа Рида «It's never late to mend». Степень актуальности романа и его перевода для русского читателя второй половины 1850-х гг. можно объяснить, как отмечалось выше, актуализировавшимися в русской литературе процессами становления романного жанра.

Приведём результаты сопоставительного анализа оригинала и его перевода на русский язык, чтобы установить переводческую стратегию, а также место и роль перевода в истории русской рецепции романа «установленного факта» Рида, русского художественного перевода и становления русского классического романа. Обратимся прежде всего к переводу названия романа. «It's never late to mend» дословно переводится как «Никогда не поздно исправиться». Однако переводчик перевёл заглавие, используя русскую народную пословицу «Лучше поздно, чем никогда», которая имеет, по сути, более широкое, не такое заданное значение. Хотя, как и в оригинале, данная фраза произносится на протяжении всего романа только два раза и практически в одном, близком к оригинальному, контексте, связанном с просветительской идеей перевоспитания оступившихся. Впервые мы слышим ее из уст тюрем-

ного священника Идена, и она обращена к Робинзону, который, подвергаясь физическим и моральным издевательствам начальника тюрьмы Гауса, практически теряет человеческий облик и, что самое важное, веру в людей. Однако после долгих бесед с новым священником о душе и вере Робинзон вновь становится порядочным человеком. Второй раз эта фраза и в переводе и в оригинале произносится матерью Медовса по отношению к своему сыну, который тоже становится на путь нравственного оздоровления в финале повествования.

Отметим также, что в переводе изменена структура подлинника: роман в оригинале разделён на 85 глав (LXXXV chapters), в то время как рассматриваемая нами русская версия, сохраняя деление на главы и их количество, делится еще и на две части (что указано даже в названии перевода), тем самым подчеркивается наличие в романе двух сюжетных линий: тюремной эпопее посвящена первая часть перевода, а австралийским приключениям золотоискателей – вторая. Параллельно, как в оригинале, так и в обеих частях русского перевода, развивается история взаимоотношений любовного треугольника Джордж – Сусанна – Медовс, так или иначе связанная, через судьбу Робинзона, с тюремной историей.

Воля переводчика проявилась и в работе над некоторыми образами, вернее, над акцентировкой авторской позиции по отношению к ним. В этом отношении прежде всего внимание привлекает образ Медовса. Сравним, например:

«It's never late to mend»	Версия переводчика	Дословный перевод
«Mr. Meadows was not a common man, and merits some preliminary notice. He was what is called in the country “a lucky man”; everything he had done in life had prospered. The neighbors admired, respected, and	«Мистер Медовс был необыкновенный человек, и потому заслуживает, несколько, предварительного знакомства читателя. Он был то, что называют <i>счастливец</i> ; все, чтобы он ни начинал в жизни, ему удава-	Господин Медовс был не простым человеком и заслуживает предварительного знакомства. Он был так называемым «счастливец»; всё, за что он брался в жизни, приносило ему процветание. Соседи им восхищались, уважали, а некоторые даже ненавидели

<p>some of them even hated this respectable man, who had been a carter in the midst of them, and now at forty years of age was a rich corn-factor and land-surveyor. <...> This John Meadows had a cool head, an iron will, a body and mind alike indefatigable, and an eye never diverted from the great objects of sober industrious men-wealth and respectability. He had also the soul of business-method!»</p> <p>[5. P. 12–13].</p>	<p>лось. Соседи ему удивлялись, уважали его, и некоторые даже ненавидели. Зачем он прежде был простым извозчиком, а в сорок лет сделался хлебным маклером и управляющим имениями? <...> Можно ли за это не ненавидеть? У Джона Медовса была хладнокровная голова, железная воля, тело и ум одинаково неутомимые, и глаз, который ничто не могло отвлечь от дела. Он был богат, честен, наконец у него была душа в делах, то есть, метода»</p> <p>[6. № 9. С. 100–101].</p>	<p>этого уважаемого человека, который был среди них простым извозчиком, а сейчас, в возрасте 40 лет, стал богатым торговцем зерном и управляющим земельными участками. <...> Джон Медовс был человеком хладнокровным, с железной волей, с неутомимым телом и разумом, его глаз никогда не отвлекался от великих дел, всегда привлекающих трезвых трудолюбивых людей – богатства и respectability. И наконец, у него в душе был свой метод ведения дел!</p>
---	--	--

Мы видим подробный, практически дословный перевод фрагмента, знакомящего читателей с героем (напр., идиома *have a cool head*, которая переводится, как «быть хладнокровным», в передана дословно «хладнокровная голова»). Однако переводчик допускает некоторые изменения. Так, из последнего абзаца в одно предложение переводчик сделал три, два из которых имеют вопросительную форму, последний вопрос усилил двойным отрицанием *не ненавидеть*, подчёркивая неоднозначное отношение соседей (да и самого Рида) к Медовсу. Также фрагмент «an eye never diverted from the great objects of sober industrious men-wealth and respectability» автор перевода передает как «У Джона Медовса была хладнокровная голова..., глаз, который ничто не могло отвлечь от дела. Он был богат, честен», а фразу «He had also the soul of business-method!» как «у него была душа в делах, то есть, метода» (выделено нами. – О.С.), расширив, таким образом, авторские положительные характеристики Медовса и отчасти усложнив его образ. Интересным

моментом с лингвистической точки зрения является перевод существительного *corn-factor* (торговец зерном) как *хлебный маклер*, в чём определённо прослеживается русификация.

Выбрав в первой части романа стратегию в отношении передачи образа Медовса как персонажа противоречивого, вызывающего неоднозначные оценки других героев, переводчик продолжает ее и во второй части перевода. Здесь Медовс, как и в оригинале, показан читателю и жёстким дельцом, готовым на всё ради достижения своих целей и наживы, и трудолюбивым и умным, и даже по-своему справедливым человеком. В финале романа, оригинального и переводного, в очередной раз доказывается симпатия автора-повествователя к этому персонажу, когда в разговоре с Кравлеем Медовс говорит следующее:

«It's never late to mend»	Версия переводчика	Дословный перевод
<p>«He can't marry her at all now. I shall soon or late, and the day I marry Susan that same afternoon seven thousand pounds will be put in George Fielding's hand, he won't know by whom, but you and I shall know. I am a sinner, but not a villain» [5. P. 1463].</p>	<p>«Теперь он никак не может на ней жениться, а я все-таки женюсь рано или поздно. И как только я обвенчаюсь с Сусанной, Джордж Фильдинг получит семь тысяч фунтов, и не будет знать от кого; но мы с тобой будем знать. Я грешник, но не мошенник» [6. № 11. С. 256].</p>	<p>Он (<i>Филдинг</i>) больше не сможет на ней жениться. А я смогу, рано или поздно, и в тот самый день, когда я женюсь на Сусанне, семь тысяч фунтов будут отправлены Джорджу Филдингу, он никогда не узнает, кто прислал ему деньги, об этом будем знать только мы с тобой. Я грешник, но не мерзавец.</p>

Перед нами практически дословный перевод, кроме, пожалуй, слова *villain*, которое переведено как *мошенник*, однако в многочисленных возможных вариантах перевода этого слова на русский язык нет такого значения, его можно перевести как «мерзавец, злодей, негодяй, проходимец». Признавая, что все эти варианты в определённой мере являются синонимами слова «мошенник», всё-таки подчеркнем, что переводчиком выбрано самое мягкое из возможных определение Медовса.

Показательна и финальная сцена романа, в которой устами матери героя читателя убеждают в том, что Медовс, безусловно, заслуживающий наказания, не случайно освобожден из тюрьмы: он осознал все свои злодеяния, раскаивается и навсегда покидает Англию:

«It's never late to mend»	Версия переводчика	Дословный перевод
<p>«He shall repent», said she to herself. «Even now his eyes are opening, his heart is softening. Three times he has said to me, 'That George Fielding is a better man than I am.' He will repent. Again he said to me, I have thought too little of you, and too much where it was a sin for me even to look.' He will repent-his voice is softer-he bears no malice-he blames none but himself. It is never too late to mend. He will repent, and I shall see him happy and lay my old bones to rest contented, though not where I thought to lay them» [5. P. 1515].</p>	<p>«Он раскается, говорила она сама себе. И теперь уже сердце его смягчается, и он часто повторяет: Джордж Фильдинг достойнее, лучше меня. Он раскается. Он теперь осуждает во всем только одного себя; он говорит, что сделал много зла; он сознается в своих преступлениях. Он раскается, хоть поздно. А лучше поздно, чем никогда. Да, он раскается, и я умру спокойно» [6. № 11. С. 276].</p>	<p>«Он раскаивается», говорила она сама себе. «С недавних пор его глаза открылись, а сердце смягчилось. Уже три раза он мне говорил, что Джордж Филдинг достойней, чем он. Он раскаялся. А ещё он мне сказал, что так мало думал обо мне, и так много думал о делах греховных. Он обязательно раскается – его голос смягчится – у него больше нет злых намерений – он никого не винит, кроме себя. Лучше поздно, чем никогда. Он обязательно раскается, и я ещё увижу его счастливым, и наконец-то умру спокойно, хоть и не там, где мне бы хотелось».</p>

Автор перевода незначительно сократил оригинальную версию финальной сцены, сохранив ее основной смысл: некоторые предложения, например, переведены дословно (*He shall repent, his heart is softening, It is never too late to mend*). При этом есть и отступления от подлинника: слово *sin* (грех) интерпретируется как *зло* и *преступление*; предложение *I have thought too little of you*, которое

переводится как *Я так мало думал о тебе (о матери)*, переводчик пропустил. Но главное – в финале перевода, как и оригинала, вновь звучит фраза «Лучше поздно, чем никогда», произнесенная «Другим» в отношении Медовса (в первом случае это были слова пастора о наставнике, во втором – матери о сыне), что не только сохраняет в русской версии кольцевую композицию, но и подчеркивает неизменность авторской позиции, которая, будучи вынесена еще и в название романа, выражает универсальную истину о возможности нравственного совершенствования человека, носителем которой на протяжении всего романа является автор-повествователь.

Не менее характерна и работа переводчика над образом пастора Идена, с успехом врачующего души заключенных и разоблачающего тюремное начальство. Все сцены с его участием переведены подробно, переводчик так же, как и Рид, идеализирует этот образ и акцентирует его веру в добрые начала человека и в возможности его перевоспитания. Приведем лишь один из многих примеров, он связан с передачей пламенной речи Идена, обращенной к начальнику тюрьмы Гаусу:

«It's never late to mend»	Версия переводчика	Дословный перевод
<p>«To your knees, MAN-slaver! I dare not promise you that a life given to penitence and charity will save so foul a soul, but it may, for Heaven's mercy is infinite. Seize on that small chance. Seize it like one who feels Satan clutching him and dragging him down to eternal flames. Life is short, eternity is close, judgment is sure. A few short years and you must</p>	<p>«Молитесь, молитесь скорее! Старайтесь искренним раскаянием смыть кровь с своих рук. Это – кровь невинных жертв, и потому смыть ее будет не легко. Это можно только сделать целыми годами благотворительности, целым морем слез искреннего покаяния» [6. № 10. С. 89–90].</p>	<p>На колени, убийца! Я тебе обещаю, что даже если ты проведешь остаток своей жизни в раскаянии и милосердии, это всё равно не спасёт твою грязную душу, хотя и могло бы, ибо милосердие Создателя бесконечно! Непусти этот крошечный шанс! Хватайся за него, как грешник, которого хватает Сатана и тянет в бездну к вечному пламени. Жизнь коротка, а смерть близка, как близок и Божий суд. Пройдёт совсем немного вре-</p>

meet Edward Josephs again before the eternal Judge. What a tribunal to face, your victims opposite you!» [5. P. 732].		мени, и ты встретишься с Эдвардом Джозефом снова и предстанешь перед судом Божьим. И встретишься ты лицом к лицу со всеми, кого погубил!
---	--	--

Отметим, что переводчик значительно смягчил пафос речи пастора. В оригинале Иден завуалированно проклинает Гауса, прямо называя его убийцей, что, во-первых, категорически запрещено делать представителям церкви и, во-вторых, по-видимому, несколько противоречит, в представлении русского переводчика, образу пастора, который ни на ком не может поставить точку, веруя в возможность спасения разрушившейся личности. Думается, в этой же связи переводчик опускает упоминание Иденом в своей речи Сатаны и Ада: лицо духовного сана, он нацелен на спасение души заблудших грешников, а не запугивание их адскими муками.

Наконец, примечательна и работа переводчика над образом автора-повествователя⁴. Приведем фрагмент письма пастора к Сусанне и Джорджу, содержащий его просьбу о моральной поддержке Робинзона, которого освобождают из тюрьмы и отправляют в ссылку в Австралию. Пастор Иден излечил его душу, однако в душе всё ещё сомневается в силе его воли:

«It's never late to mend»	Версия переводчика	Дословный перевод
«Thomas Robinson goes to Australia next week. He will get a ticket-of-leave almost immediately on landing. I am in great anxiety; he is full of good resolves, but his nature is unstable, yet I should not fear to trust him anywhere if I could but	«Он говорил в своем письме, что Робинзон совершенно исправился, что зло в нем искоренилось, но что он слаб и может пасть при первом искушении, если не будет возле него твердого, честного человека, который мог бы служить	Томас Робинзон едет в Австралию на следующей неделе. Он немедленно получит свидетельство об условно-досрочном освобождении, как только выйдет из тюрьмы. Я испытываю сильнейшее беспокойство, он полон благих намерений, но его нрав всё ещё нестабилен. Мне бы не

⁴ В данной статье, ограниченной объемом, опускается анализ других героев романа.

choose his associates. In this difficulty I have thought of George Fielding» [5. P. 891].	ему опорой» [6. № 11. С. 68].	хотелось бояться за него и потерять своё доверие к нему, поэтому мне бы хотелось найти ему достойных партнеров. В этой связи я сразу же подумал о Джордже Филдинге.
---	----------------------------------	---

Как видим, в переведённой версии не сохранена форма письма, переводчик приводит его краткое содержание от лица повествователя. В оригинале письмо написано простым и доступным языком, что подчеркивает его личный, «документальный» характер и в силу этого напрямую выражает суть образа пастора, заботящегося о падшем. Однако в переводе мы видим авторский пересказ письма, в котором используется язык проповеди, что очевидно ставит автора-повествователя над всеми остальными героями, включая даже образ пастора, являющегося во многом рупором его идей, а функцию автора-повествователя напрямую связывает с выражением абсолютной истины, универсального знания. Характерны в этом плане и такие лексические замены: в оригинале нет дословных английских эквивалентов таким высказываниям, использованным в переводе, как «*зло в нем искоренилось*», «*пасть при первом искушении*», ср. у Рида: «*he is full of good resolves*» (он полон благих намерений), «*his nature is unstable*» (его нрав всё ещё нестабилен).

Наряду с вышесказанным необходимо отметить и то, что переводная версия романа почти вдвое короче оригинала. Нередко читателю предлагается реферативный перевод, в котором подлинник подвергается значительному сокращению. Например, отдельные фрагменты второй части были практически проигнорированы переводчиком. Так, сложнейшее шестимесячное путешествие Джорджа Филдинга через океан, его страдания от морской болезни, сильный шторм представлены в переводе одним коротким отрывком:

Пропать горя пришлось перенести бедным пассажирам Феникса. Мало было места, мало провизии, и потому много лишений. Можно себе представить после этого, каков был всеобщий восторг

пассажиров, когда, после четырехмесячного плавания, они наконец пришли в Сидни [6. № 11. С. 58].

Более двенадцати страниц, в деталях описывающих трудности и лишения морского путешествия Джорджа и его попутчиков, в русской версии романа уместились в один абзац. Однако такая «вырезка» из приключенческой части романа весьма не характерна для общей рассматриваемой переводческой стратегии, скорее всего, сокращение было связано с регулированием объема перевода, публиковавшегося в разных номерах журнала. Это предположение подтверждается тем, что следующие далее главы, посвящённые золотоискателям, интригам и опасностям, подстерегающим Робинзона и Филдинга во время добычи золота, полностью соответствуют оригиналу, представляя собой достаточно подробный художественный перевод.

Значительно чаще сокращению подвергаются детали описания внешнего вида, душевной жизни и поведения героев, места и времени действия, т.е. то, что, по-видимому, представляется переводчику «повествовательными излишествами» (Р. Барт). Например, в четвёртой главе перевода опущено почти три абзаца, обстоятельно описывающие душевные терзания Джорджа Филдинга, которые он испытывает после прощания с родственниками, друзьями, соседями и любимой Сусанной перед отъездом в Австралию на заработки.

Рассмотрим другой фрагмент, из ряда тех, в котором Рид развернуто, порой с шокирующими фотографически точными деталями, описывает пытки над заключёнными, как моральные, так и физические. В частности, обратимся к сцене (в подлиннике и в переводе), где речь идет о наказании Робинзона, осмелившегося вопреки запрету заговорить с заключённым из соседней камеры. Робинзона тут же поместили в подземную темницу:

«It's never late to mend»	Версия переводчика	Дословный перевод
«The darkness in which Robinson now lay was not like the darkness of	«Темнота, в которую попал несчастный Робинзон, была далеко не	Темнота, в которую сейчас поместили Робинзона, была совсем другой, она была не

<p>our bedrooms at night, in which the outlines of objects are more or less visible; it was the frightful darkness that chilled and crushed the Egyptians soul and body; it was a darkness that might be felt. This terrible and unnatural privation of all light is very trying to all God's creatures, to none more so than to man, and among men it is most dangerous and distressing to those who have imagination and excitability»</p> <p>[5. P. 236].</p>	<p>такая, как ночью в наших спальнях, когда, взглядевшись, все-таки более или менее можно рассмотреть предметы. Нет, это был просто мрак подземелья»</p> <p>[6. № 9. С. 170].</p>	<p>такой, как темнота в наших спальнях по ночам, в которой очертания предметов более или менее видны. То была темнота пугающая, она заставила содрогнуться, она сломила душу и тело нашего бродяги; то была темнота, осязаемая физически. Это ужасное и неестественное лишение света было ничем иным, как пыткой для созданий Божьих, особенно эта пытка была опасна и мучительна для созданий чувствительных, с богатым воображением.</p>
--	---	--

Перевод явно сокращён, хотя основной смысл, конечно же, улавливается. Прежде всего, переводчиком были проигнорированы следующие яркие подробности: темнота сломила душу и тело нашего бродяги; темнота, осязаемая физически; темнота – пытка для созданий Божьих; темнота опасна и мучительна для созданий чувствительных, с богатым воображением. По сути, эмоциональное описание данного сюжета, детали, использованные Ридом для того, чтобы читатель буквально на физическом уровне ощутил страх, который испытывал Робинзон в подземелье, переводчик выразил в одном скупом предложении: *Нет, это был просто мрак подземелья* (курсив наш. – О.С.). И таких примеров можно привести еще целый ряд.

В связи с сокращениями подлинника исследовательское внимание привлекает переводческая стратегия передачи, прежде всего, тюремной эпопеи, принесшей популярность и автору, и произведению. Тюремный нарратив в оригинальном произведении Ч. Рида включает в себя пространственные описания здания тюрьмы и её территории, мрачных тюремных коридоров и крошечных камер-клетушек, где томятся одинокие узники, среди которых оказался и

один из главных героев романа Робинзон. Подробно, с перечислением мельчайших деталей описываются повествователем правила поведения заключенных в камере, их распорядок дня, еда, сам процесс раздачи и приема пищи, тюремная роба и т.д.

Однако в русском переводе данные подробности не переведены или, чаще всего, сокращены в значительной степени. Например, в переводе не указывается, что заключенный утром должен встать, встряхнуть постельное белье, умыться и т.д. «под страхом наказания» («Prisoner to open and shake bedding, wash face, hands and neck on pain of punishment») [5. С. 108], ср.: «Вставать, убирать койки, мыть лицо, руки, шею, мести и убирать комнату; кого позовут, сейчас же идти мести коридоры» [6. № 9. С. 167]); или что при уборке он должен закатать штаны, ср.: «roll up hammocks» [5. P. 108] и т.п.

На первый взгляд, утрата в переводе подобных деталей нарратива, упоминание которых в подлиннике, по видимости, ничем не объяснимо и исключено из семиотической структуры повествования, не может существенно повлиять на передачу авторского замысла. Но дело в том, что работа русского переводчика с деталями в «Лучше поздно, чем никогда», в первую очередь, в отношении к описаниям тюремной жизни героев, складывается в стратегию: переводчик последовательно очищает описания от лишних, с его точки зрения, подробностей. Приведем один из характерных примеров: фрагмент, описывающий службу в церкви, на которую привозили заключенных:

On reaching the chapel he found, to his dismay, that the chapel was as cellular as any other part of the prison; it was an agglomeration of one hundred sentry-boxes, open only on the side facing the clergyman, and even there only from the prisoner's third button upward. Warders stood on raised platforms and pointed out his sentry-box to each prisoner with very long slender wands; the prisoner went into it and pulled the door (it shut with a spring), and next took his badge or number from his neck and hung it up on a nail above his head in the sentry-box. Between the reading-desk and the male prisoners was a small area where the

debtors sat together. The female prisoners were behind a thick veil of close lattice-work. Service concluded, the governor began to turn a wheel in his pew; this wheel exhibited to the congregation a number, the convict whose number corresponded instantly took down his badge (the sight and position of which had determined the governor in working his wheel), drew the peak of his cap over his face, and went out and waited in the lobby. When all the sentry-boxes were thus emptied, dead march of the whole party back to the main building [5. P. 108–109].

Ниже – перевод фрагмента, отличающийся особенностями, общими для всего перевода «Лучше поздно, чем никогда», но в большей степени характерными для передачи «тюремных» сцен:

Церковь вся состояла из множества отдельных, закрытых помещений, будочек; в них было сделано только по самому маленькому отверстию с той стороны, откуда был виден пастор, но не было никакой возможности заключенным видеть друг друга. Тюремщики длинными жезлами указывали каждому его помещение, по номерам, и когда заключенный туда входил, то дверь, посредством пружины, захлопывалась, так что он сам не мог никаким образом ее отворить. Номер каждой будочки соответствовал номеру, повешенному на шее заключенного. Заключенные женщины были отделены в церкви от мужчин крепкою железною решеткою. Как только служба кончилась, заключенных стали вызывать по номерам. Каждый должен был опять надеть тот знаменитый колпак, который закрывал все лицо и который в закупоренной будке позволялось снимать. Таким образом собирались заключенные, и опять все, молча, отправлялись на прежние места [6. № 9. С. 168].

Как видим, из перевода, в целом правильно передающего общий смысл подлинного текста, выпал (или переведен неточно) целый ряд конкретных, более или менее мелких деталей, по Р. Барту, между прочим, означающих: «Мы – реальность» (такая, как ее видит автор). Не переведено: to his dismay (к своему ужасу), сравнение церкви с тюрьмой (as any other part of the prison), указание количества будок; «warders stood on raised platforms» (охранники стояли на возвышениях), фраза «Between the reading-desk and the male

prisoners was a small area where the debtors sat together»; very long slender wands переведено как «длинные жезлы», «took his badge or number from his neck and hung it up on a nail above his head in the sentry-box» – как «номер каждой будочки соответствовал номеру, повешенному на шее заключенного», dead march переведено наречием «молча»; ср. также описание и перевод процесса выхода заключенных из будок: Service concluded, the governor began to turn a wheel in his pew; this wheel exhibited to the congregation a number, the convict whose number corresponded instantly took down his badge (the sight and position of which had determined the governor in working his wheel), drew the peak of his cap over his face, and went out and waited in the lobby (Как только служба кончилась, заключенных стали вызывать по номерам. Каждый должен был опять надеть тот знаменитый колпак, который закрывал все лицо и который в закупоренной будке позволялось снимать). В результате оригинальный фрагмент в 966 знаков, состоящий из 209 слов, в переводе содержит 758 знаков, 123 слова. За этим формальным уменьшением объема текста стоят, разумеется, смысловые потери, связанные с игнорированием или с недооценкой переводчиком принципов отбора и работы Рида с фактами, деталями, с неполным пониманием их функциональности в оригинале.

Утрата в переводе, на первый взгляд, незначительных деталей [7, 8] оборачивается неполной передачей «эффекта реальности», к которому стремился автор, и стоящей за этим нивелировкой социальной проблематики романа, которой Рид придавал большое значение, оцененное его современниками в первую очередь, а также изображения душевных и физических переживаний героев, о чем мы говорили выше. В переводе пострадала и передача рассуждений автора-повествователя, изобилующих конкретными деталями: например, короткое, но очень важное для него сравнение тюремных систем в разных странах, описание английской тюрьмы в разные периоды или того, как относится к Гаусу его начальство, и т.д. отсутствуют в переводе. Из рассказа автора-повествователя удаляются персонажи, непосредственно не участвующие в действии:

например, в переводе опущено упоминание о предшественнике начальника тюрьмы Гауса – О’Конноре, которого вынуждены были даже уволить со службы за многие нарушения, правда, публично объяснили это тем, что он стар. Между тем упоминание О’Коннора и его поведения, а также отношения к нему со стороны государства в оригинале, будучи поставлено в один ряд с подробно выписанным образом его преемника Гауса, возводится повествователем в общепринятое правило и в силу этого в ранг глубочайшей социальной проблемы. Так неполнота передачи обширных, детальных рассуждений автора-повествователя оборачивается еще и искажением его мировосприятия, образа в целом, важнейшего, как было сказано выше, в романе «установленного факта».

Итак, передача и трансформации первого романа «установленного факта» Ч. Рида «It’s never late to mend», осуществленные в его первой русской трансляции «Лучше поздно, чем никогда», показывают, что рассмотренный перевод, при всех его отступлениях от подлинника, безусловно, готовил почву для жанровой модели романа, созревавшей в недрах русской словесности и совпадавшей в своей устремленности к новому пониманию реальности как объекта изображения в литературе с западноевропейским романом, и на этом пути вбиравшей в себя, синтезируя их, черты многих его жанровых разновидностей, в том числе *matter-of-fact-romance*. Вместе с тем анализ показал, что начало переводческой рецепции «It’s never late to mend» и в целом романа «установленного факта» Ч. Рида в России во многом было обусловлено контекстом массовой литературы. Внимание читателей перевода «Лучше поздно, чем никогда» было сосредоточено, главным образом, на особенностях, связывающих оригинал с сенсационным романом, с традициями просветительской идеологии и романтической эстетики. Многие главы в русской версии романа, особенно связанные с описанием тюремной жизни его героев, представляют собой реферативный, то есть сокращенный перевод, часто построенный на игнорировании работы английского писателя с «установленными фактами», представляющими собой порою мельчайшие подробности нарратива, но

их утрата привела русский перевод к существенной смысловой компрессии подлинника. Опуская или значительно сокращая многие детали романного повествования, показавшиеся переводчику «лишними», он в значительной степени приглушил социально значимые мотивы оригинала и его критический пафос, а главное – не были переданы в полном объеме авторские поиски способов достижения в художественном произведении «эффекта реальности». Всё это можно объяснить характеристиками этапа русского художественного перевода, на который приходится первый перевод романа Рида «Лучше поздно, чем никогда»⁵, местом его публикации – «Библиотека для чтения», как известно, был журналом для массового читателя⁶, и особенностями жанрового развития русской прозы 1850-х гг., стоявшей у порога классического романа.

Литература

1. Ивашева В.В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М., 1974.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
3. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб. : Типография Ю.Н. Эрлих, 1907.
4. Bragg T. Charles Reade. A companion to sensation fiction / ed. by Pamela G. Gilbert. Blackwell Publishing Ltd., UK, 2011.
5. Reade Ch. It's never late to mend. 1856. URL: <http://manybooks.net> (дата обращения: 12.01.2017).
6. Рид Ч. Лучше поздно, чем никогда. Роман в двух частях // Библиотека для чтения. 1857. № 9–11.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М. ; СПб., 2002.
8. Голубцова Л.В. «Библиотека для чтения» как тип издания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

THE FIRST RUSSIAN TRANSLATION OF THE FIRST MATTER-OF-FACT ROMANCE BY CH. READE *IT'S NEVER TOO LATE TO MEND*

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2017, 13, pp. 32–56.

DOI: 10.17223/23062061/13/3

Olga V. Sumtsova, Tomsk Polytechnic University, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgasumtsova0205@mail.ru

⁵ См., напр.: [7].

⁶ См., напр.: [8].

Keywords: Ch. Reade, matter-of-fact romance, Victorian literature, aesthetics, poetic style, realism, romanticism, genre peculiarities, translation reception.

In the present paper the first matter-of-fact romance by Ch. Reade *It's Never Too Late to Mend* is analyzed. The romance under study stood at the origins of that genre formation in the Victorian literature of the mid-to-late 19th century. Moreover, a contrastive analysis of the first Russian translation of the romance is conducted; the outset of its reception in Russia is examined. The given translation was made at the same time with the publication of the original version in England: *It's Never Too Late to Mend* was published in 1856, whilst the first translation version *Luchshe pozdno, chem nikogda: roman v dvukh chastyakh* [Better Late Than Never: A Romance in 2 Parts] came out in Russia in 1857.

To begin with, it is necessary to mention that the matter-of-fact romance synthesizes the poetic style of at least two manners: realism and romanticism. The matter-of-fact romance appeared in the era of realism and entered into a tense dialogue with romanticism, which was characteristic for the literature of the 19th century in general. There are always two ideas in Reade's romances: an authentic, true and objective depiction of real life and, at the same time, his authorial perceived conceptualization. Consequently, there are always two strands in the plot in his romances: the reflection of real (documentary "proved") facts revealing keen social conflicts based on the structure and activities of social institutions of the Victorian society and bright adventure and love story in the plot.

Besides, Victorian literature stems from educational ideology subjecting modern society to criticism as well as propagandizing the author's active influence on various sins of the society. Ch. Reade was widely known among his contemporaries as the author of romances revealing abuse, corruption and injustice in social institutions of Victorian England and insisting on social reforms. The writer gave priority to a pedantic study of a real incident, which, later, provided the basis for the plot of his romances. Nevertheless, we might observe that the writer under consideration made active use of imaginative principles in his work: real facts were interpreted through the prism of the author's perception of the events and presented to the readers with the reference to the author's personal opinion.

The translation, for all its differences from the original, of course, set the stage for the genre model of the novel, which matured in Russian literature and coincided with the Western European novel in its aspirations to a new understanding of reality as an object image in literature. In this way the Russian classic novel incorporates features of many genre varieties of the European novel, including the matter-of-fact romance. However, the analysis showed that the beginning of the translation reception of *It's Never Too Late to Mend* and in general of the matter-of-fact romance by Ch. Reade in Russia was largely due to the context of mass literature.

References

1. Ivasheva, V.V. (1974) *Angliyskiy realisticheskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [English realistic novel of the 19th century in its modern sound]. Moscow: Khudozh. lit-ra.
2. Bart, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.
3. Pavlenkov, F. (1907) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [The Dictionary of Foreign Words that are part of the Russian language]. St. Petersburg: Yu. N. Erlikh.
4. Bragg, T. (2011) *Charles Reade. A companion to sensation fiction*. London: Blackwell Publishing Ltd.
5. Reade, Ch. (1856) *It's never too late to mend*. [Online] Available from: <http://manybooks.net/>.
6. Reade, Ch. (1857) *Luchshe pozdno, chem nikogda. Roman v dvukh chastyakh* [Better late than never. A romance in two parts]. Translated from English. *Biblioteka dlya chteniya*. 9–11.
7. Fedorov, A.V. (2002) *Osnovy obshchey teorii perevoda* [Fundamentals of the general theory of translation]. Moscow; St. Petersburg: Soyuz.
8. Golubtsova, L.V. (1993) *"Biblioteka dlya chteniya" kak tip izdaniya* ["Biblioteka dlya chteniya" as a type of edition]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/23062061/13/4

Ю.С. Серягина

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII–XIX вв. В СИБИРСКОЙ ПЕЧАТИ 1880–1910 гг.¹

Аннотация. Сибирская словесная культура представляет собой широкое пространство для филологических исследований. Наличие немецкого текста на страницах сибирской периодики на рубеже XIX–XX вв. отражает включенность сибирского культурного сознания в общеевропейский контекст. Одним из обширнейших пластов сибирской рецепции немецкой литературы на страницах дореволюционных периодических изданий являются поэтические произведения. Комплексное рассмотрение восприятия сибирскими авторами произведений немецких поэтов, выявление их переводческих стратегий и мотивов выбора текста для печати представлены в данной статье.

Ключевые слова: сибирская словесная культура, сибирские периодические издания, немецкая поэзия, перевод, рецепция.

В условиях повышенного интереса к исследованию региональной культуры изучение Сибири представляется особенно перспективным в ключе ее историко-географических особенностей. Филологический подход к данному вопросу подразумевает рассмотрение региональной специфики, выраженной в языке и тексте. Предлагаемое исследование, основанное на уникальном материале переводческой рецепции зарубежной литературы в сибирских, в том числе томских дореволюционных периодических изданиях, является частью обширного проекта по изучению словесной культуры Сибири в общерусском и европейском контекстах, осуществляемого томскими филологами и направленного на изучение граней и этапов развития Сибирского региона с точки зрения творческого

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МД-4756.2016.6), а также РФФИ и Администрации Томской области (проект № 17-14-70006 а (р)).

восприятия в нем наследия отечественной и европейской словесности в широком смысле этого слова.

***

Изучение региональной издательской деятельности, мотивов отбора текстов для перевода и публикации, переводческих стратегий сибирских авторов является отражением культурно-исторических, художественных и идеологических поисков эпохи. Сегодня изучение дореволюционной периодики стало удобным и доступным благодаря цифровым технологиям. Усилиями Научной библиотеки НИ ТГУ оцифровано семь крупных ежедневных сибирских газет и журналов, выходявших в период с 1880 по 1919 г., и еще многие предстоит оцифровать.

Значительное место среди публикуемых в сибирской печати переводов зарубежной литературы занимает немецкая поэзия. В крупнейших сибирских газетах «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь» и «Сибирская мысль» из 60 выявленных и атрибутированных переводных поэтических произведений 29 имеют немецкий подлинник, 10 – французский, 4 – английский и 17 текстов переведены с других языков (болгарского, итальянского, украинского, польского и др.).

Чаще всего сибирские авторы дореволюционной поры обращаются к творчеству немецких романтиков. Наибольшей популярностью у сибирских переводчиков пользуется Генрих Гейне: из 29 переводов немецкой поэзии 19 публикаций связаны с его произведениями. Рецепцию творчества Г. Гейне в сибирских периодических изданиях можно условно разделить на 3 типа: переводы, подражания и псевдопереводы. В газетах печатаются как произведения, созданные в европейской культурной среде (к примеру, авторства А.Л. Шкаффа и Д.И. Писарева), так и труды сибирских авторов (Г. Вяткина, Ев. С-б. и др.). Сибирских переводчиков привлекают такие произведения Гейне, как «Богомольцы в Кевларе» («Wallfahrt nach Keviaar», 1823, Buch der Lieder, Die Heimkehr),

«Дай ручку мне...» («Lieb Liebchen, leg's Händchen», 1822, Buch der Lieder, Junge Leiden), «Если-б знали цветочки-малютки» («Und wüßten's die Blumen, die kleinen», 1822, Buch der Lieder, Junge Leiden), «У моря» («Das Meer erglänzte weit hinaus...», 1923, Buch der Lieder, Die Heimkehr), «Странствуй!» («Wandere!», 1852, Neue Gedichte) и др. Местные авторы стремятся передать знаменитое настроение лирического «Я» Гейне, романтизируя его, однако сохраняя целостность художественного замысла, мелодику и основные особенности стиха [1].

К подражаниям мы относим четыре стихотворения Гейне: «Грезы. На севере диком» (Сибирская газета. 1884. № 8), «Подражание Гейне» (Сибирский вестник. 1894. № 107), «На мотив Гейне» (Сибирский вестник. 1903. № 264), «На мотив из Гейне» (Бубенцы. 1906. № 34). Первое подражание является примером усвоения творчества Гейне, опосредованного рецепцией русской классической литературы. Автор ссылается на стихотворение Лермонтова «На севере диком», которое является переводом произведения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam». В подражаниях, наряду с романтическими мотивами любовной лирики, появляется ироническая составляющая творчества Гейне, представляющая его как «скептика-реалиста» [2].

Не менее характерный пласт рецептивной стратегии сибирских авторов представляют псевдопереводы. Произведения Ивана Северного «Наказ. Из Гейне» («Стрекоза», «Die Libelle», 1854, Zyklus «Gedichte 1853–1854») и «Гибель Олимпа. Из Гейне» («Die Götter Griechenlands», «Buch der Lieder» «Die Nordsee», Zweiter Zyklus), следуя классификации В.И. Карасика, можно отнести к категории бытийных псевдопереводов, поскольку они не подражают стилю и жанру, а объединяют две культуры общей темой взаимоотношения полов, несчастной любви (в первом стихотворении) и темой смены религий (во втором стихотворении). В произведениях Северного также отражается его стремление к романтическим образам, свойственное сибирским писателям периода рубежа веков.

В томском журнале «Ерш» появляется также псевдоперевод неизвестного автора под названием «Дуралеи» с пометкой «Из

Гейне», основанный на второй главе поэмы «Германия. Зимняя сказка» («Deutschland. Ein Wintermärchen») Г. Гейне. Отсутствие упоминания имени сибирского переводчика, политическая тематика и особенности времени публикации (1905 г.) позволяют относить данный псевдоперевод к категории протестных, отражающих дух времени, но защищающих автора от цензуры. Еще одно стихотворение «Из Гейне», принадлежащее автору, подписавшемуся псевдонимом *Скептик*, затрагивает излюбленные мотивы Гейне – несчастная любовь, страдание поэта из-за жестокой женщины. Подражание жанру и стилю Гейне, склоняющееся к иронии или даже сатире, характеризует данный псевдоперевод как игровой. Псевдопереводы отражают интерес сибирских авторов к поэзии Гейне и при этом стремление проявить свою художественную индивидуальность. Знакомые мотивы из творчества Гейне преобразуются, превращая тексты в самостоятельные произведения, склоняющиеся по литературному вкусу автора к романтизму, иронии или сатире (подробнее см.: [3]).

Из романтиков сибиряков привлекает также творчество Николауса Ленау (Nikolaus Lenau, 1802–1850). На страницах сибирских газет публикуются четыре его стихотворения: «Закат солнца» («Sonnenuntergang»), «Торжество любви» («Liebesfeier»), «Укор» («Vorwurf») в переводе И. Иванова и «К моей гитаре» («An meine Gitarre») в переводе П. Черневича. В переводах сибиряков отражены две основные поэтические стратегии, образующие своеобразие романтического двоемирия Ленау: пластичность образа и внутренняя трагедия, безысходность в собственной разочарованности и глубокая меланхолия. Интерес к поэзии Н. Ленау в томской периодике мог быть обусловлен желанием познакомить читателя с западноевропейской классикой и стремлением найти в его поэзии созвучное, потенциально близкое и понятное сибиряку, а именно – романтическое настроение и эстетику городского романа [4].

Не менее интересной представляется рецепция поэтического наследия Фридриха Боденштедта (Friedrich Bodenstedt, 1819–1892), отражающая полную картину его творчества: в сибирской перио-

дикое он предстает как поэт, ориенталист и переводчик русской литературы. В «Сибирском вестнике» публикуются два стихотворения М.Ю. Лермонтова, существующие только в немецких переводах Ф. Боденштедта («Kleine Betrachtungen», «Hinaus»), переведенные сибирским писателем Иваном Северным. Внимание к наследию Боденштедта продолжает привлекать эссе Петра Черневича, использующего немецкие переводы Боденштедта азербайджанского поэта Мирзы Шафи, а также псевдопереводы поэзии Боденштедта, выполненные известным сибирским общественным деятелем, писателем и поэтом Георгием Вяткиным [5]. Таким образом, рецепция творчества Боденштедта представляет собой ярчайший образец реализации сибирской словесной культуры в общероссийском и европейском контексте. Посредничество Боденштедта позволило сибирским поэтам интерпретировать стихотворения русского классика, выразить собственную идейно-эстетическую индивидуальность, отразив характерные черты искомого на рубеже веков регионального культурного самосознания.

Некоторые немецкие поэты лишь единожды появляются на страницах печати, но, тем не менее, переводческие стратегии и мотивы выбора их произведений сибирскими авторами представляют большой исследовательский интерес. В сибирской периодике появляются, например, произведения Новалиса (Novalis, 1772–1801), знаменитого йенского романтика. Переводчик Иосиф Иванов обращает свое внимание на поэтическую вставку третьей главы романа «Генрих фон Офтердинген» («Heinrich von Ofterdingen», 1800), которая печатается под заголовком «Карбункул. Из Новалиса». Иное воплощение наследия Новалиса раскрывается в произведении Ивана Северного под заголовком «Лилии. Элегия в прозе В. Новалис». Сибирякам оказываются близки образы-символы, скрывающие в себе множество тайн [6].

Интересно, что в сибирской периодике публикуются 4 перевода с немецкого языка стихотворений менее известных сегодня немецких и австрийских поэтов рубежа веков: «Работнику. Из Бюргера» в переводе Л. Ленина (Сибирский вестник. 1889. № 92), «Из Ро-

берта Прутца» в переводе Г. Вяткина (Сибирский вестник. 1905. № 57), «Три судьбы» Г. Фальке (Сибирский листок. 1903. № 38) в переводе неизвестного автора и «Блаженная забывчивость» Из Гофмана ф. Фаллерслебена) (Сибирский листок. 1908. № 16) – перепечатка из газеты «Слово». Этот корпус текстов следует рассматривать в качестве отдельного мотивно-тематического блока переводной поэзии, который требует особого внимания. Поэтому в рамках настоящей статьи мы специально обратимся к литературоведческому, транслатологическому и рецептивному анализу этих произведений, определению их места в обозначенном выше контексте.

Среди переводов из творчества поэтов конца XIII в. выделяется произведение Готфрида Августа Бюргера (Gottfried August Bürger; 1747–1794), знаменитого «народного» немецкого поэта. Бюргер известен своими балладами «Ленора», «Дочери Таубенгеймского пастора» и т.д., которые представляются его наиболее значимой поэтической заслугой [7. С. 112]. Хотя в целом творческое наследие Бюргера не слишком велико, полное собрание его сочинений включает семь томов, в России оно получило, как известно, значимый отклик благодаря переводам Жуковского, Минаева, Гербеля и др.

В томской ежедневной газете «Сибирский вестник» № 92 за 1889 г. печатается перевод Л. Ленина из Бюргера, переводчик выбирает небольшое стихотворение «Mannstrotz» (досл. ‘человеческое упорство’), которое он озаглавливает «Работнику (Из Бюргера)»:

Mannstrotz	Человеческое упорство (Подстрочник)
So lang ein edler Biedermann Mit einem Glied sein Brot verdienen kann, So lange schäm er sich nach Gnadenbrot zu lungern! Doch tut ihm endlich keins mehr gut: So hab er Stolz genug und Mut, Sich aus der Welt hinaus zu hungern. [8. S. 96].	Пока порядочный человек Может своими руками зарабатывать на хлеб, Ему стыдно просить милостыню! Но если он уже не в состоянии, То ему надо достаточно гордости и смелости Умереть голодной смертью.

Труженику	Работнику (Из Бюргера)
<p>Пока ты можешь день-деньской Трудиться ради пропитанья, Стыдись с протянутой рукой Просить, как нищий, подаюнья.</p> <p>Когда же будет от утрат, От горя силы все убиты, Тогда себя, мой гордый брат, Голодной смертью умори ты.</p>	<p>Пока в тебе есть капля силы, – Работай день-деньской, Чтобы не быть тебе голодным, – Нейди с протянутой рукой.</p> <p style="text-align: center;">***</p> <p>Когда-ж не будешь в состояньи Работать и терпеть, – Тогда ты лучше постарайся, Мой друг, скорее умереть!</p>
<p>Д. Минаев [7. С. 125].</p>	<p>Л. Ленин [9. С. 1].</p>

Оригинал, как видно, представляет собой шестистишие с разно-
стопным ямбом и со сплетенной рифмой (аабввб), переводы же
состоят из двух четверостиший, написанных 4-стопным ямбом с
перекрестной рифмой (абаб).

Бюргер в своем стихотворении использует обобщение: лириче-
ский герой – простой порядочный человек (*Biedermann*), олице-
творяет всех представителей мещанства, обычных рабочих. В про-
изведении слышна горькая насмешка над судьбой «упорствующих»,
которые, теряя возможность зарабатывать на жизнь своим
трудом, остаются без средств к существованию, и им больше ни-
чего не остается, как покинуть этот мир. Слово *упрямство* исполь-
зуется Бюргером не в прямом значении: он не укоряет рабочих в
том, что они лучше умрут от голода, чем пойдут просить мило-
стыню, а скорее сочувствует им.

В стихотворении Бюргера отражаются характерные для немец-
кого локального романтизма и бидермайера, т.е. фактически для
немецкой поэзии всего XIX в., тяга к бытописанию и поэтизация
быта бюргерских будней, сочувствие к праведному труду, восхо-
дящие к христианским идеалам, активно проповедовавшимся в
книгах назидательной словесности. Современник Бюргера Шиллер
писал о нем: «Мы должны сознаться, что поэзия Бюргера много
еще оставляет желать, что в большей части ее мы не находим

кроткого, всегда ровного, всегда светлого мужского ума – ума, посвященного в тайны прекрасного, благородного и истинного, и образовательно спускающегося к народу, но никогда не отрекающегося от своего небесного происхождения, не смотря на короткость с народом. Бюргер нередко мешается с толпой, к которой бы должен был только снисходить, и, вместо того, чтобы, шутя и играя, тянуть ее к себе, ему часто нравится приравняться к ней» [7. С. 113–114].

Анализ показал, что в переводах Д. Минаева и Л. Ленина сохраняется основной мотив произведения: если нет сил работать, то лучше умереть, чем просить милостыню, т.е. тема гордости, но не смирения и послушания, воспетых Бюргером. Кроме того, в обоих вариантах авторы используют местоимение «ты» (*Пока ты можешь; Пока в тебе есть капля силы*) и прямые обращения (мой гордый брат, мой друг), что более очевидно отражает назидательный дух стихотворения. Таким образом, схожесть в переводах позволяет предположить, что сибирский переводчик мог пользоваться текстом Д. Минаева для создания своего перевода. Сам выбор сибирского переводчика, конечно, отражает актуальные для региона в конце XIX в. социальные настроения, назидательную мораль, изложенную с усилением лирико-драматического тона. Посредством подобных переводов сибирские журналисты и читатели, переводчики и обыватели, вероятно, могли содействовать формированию собственной культурной самоидентичности, минуя Центр и сообщаясь напрямую с образом Другого.

Еще одним, таким же редким, но показательным переводом является произведение Г. Вяткина «Из Роберта Прутца», которое публикуется в № 57 «Сибирского вестника» в 1905 г. Роберт-Эдуард Прутц (Robert-Eduard Prutz, 1816–1872) – австрийский поэт, известный своими политическими стихотворениями, полными сатиры. Его поэтическое наследие включает также несколько больших баллад, о которых Н.В. Гербель пишет: «Главное их достоинство заключается в прекрасной форме и ясности мысли; но глубокой поэзии искать в них нельзя. Прутц пробовал себя также в

качестве драматурга и романиста, затрагивая в произведениях национальные, политические и религиозные вопросы своего времени [7. С. 610–611].

Из многообразного творчества Прутца Вяткин выбирает стихотворение «Молодость и старость» (“Alter und Jugend”). На русский язык Роберт Прутц переводился крайне мало, наиболее известны переводы его стихотворений А. Плещеевым, среди которых есть и произведение, заинтересовавшее сибирского переводчика:

Alter und Jugend. R. Prutz	Подстрочник
<p>Ihr könnt nicht uns verstehen Und wir nicht Euren Rath: Wohlan, so laßt uns gehen Ein Jeder seinen Pfad. Ihr legt die Stirn in Falten, Ihr nennt Euch selbst die Alten, Die Nüchternen, die Kalten: Und wir sind jung und wir sind frisch Und wir sind rasch und wir sind risch, Das kann nicht Friede halten. <...> Du aber, Reich der Jugend, Steig' auf, du ewig jung, Du Götterreich der Tugend Und der Begeisterung! Und sollten wir verderben, Wir wollen für dich werben, Die Zukunft soll dich erben! Das Alter mag im Lehnstuhl ruh'n: Doch will Gott uns was Gutes thun, So laß er jung uns sterben!</p>	<p>Вы не можете нас понять, А мы не понимаем Ваш совет: Вперед, так мы пойдем Каждый своим путем. У вас в морщинах лоб, Вы сами себя зовете стариками, Рассудительные, холодные: А мы молоды и мы свежи, А мы проворны и мы ловки, Спокойствие это не остановит. <...> Но ты, господство юности, Взойди, ты вечно молодо, Ты царство добродетели И воодушевления! И если должны мы погибнуть, Мы будем за тебя агитировать, Будущее должно унаследовать тебя! Старость любит в кресле отдыхать, Но Бог хочет сделать для нас что-то хорошее, Поэтому мы умираем молодыми!</p>
[10. S. 18–20].	
Молодость и старость. Пер. А. Плещеев	Из Роберта Прутца. Пер. Г. Вяткин
<p>Нет, вы нас понять не в силах; Мы вас тоже не пойдем. Так расстанемся – и каждый</p>	<p>Наш час пробил! Прощай, о старость! Тебе нас, юных, не понять: Ты, утомленная, больная,</p>

Пусть идет своим путем.
 На челе у вас морщины,
 Веет холодом от вас;
 Вы и сами говорите,
 Что огонь в груди погас.
 Мы же юны, сильны, пылки,
 В нас кипит отвагой кровь:
 Тут союза быть не может,
 Тут непрочная любовь.
 <...>
 Мы стоим на перепутьи:
 Разойтись пора пришла.
 Вам – цветущие долины,
 Нам – подводная скала.
 Отдыхайте же, как предки,
 Под журчанье ручья,
 Убаюканные сладко
 Звонкой песнью соловья;
 Но никто воспоминанья
 Жизни прошлой не буди,
 Или кровью обольется
 Сердце в старческой груди

[7. С. 614].

Не можешь верить и желать.
 Твое мертвящее смирение,
 Твое бесстрашие – чужды нам:
 Не прикоснемся с поцелуем
 Мы к истлевающим гробам.
 Все, чем душа твоя горела
 В былые дни, давно-давно,
 Тобой осмеяно, забыто,
 На дне души погребено...
 Покой один ты ценишь. Счастье
 В покое этом обрела:
 И ни одна живая дума
 Не тронет мертвого чела...

Наш час пробил! Нас в даль живую
 Зовет житейский океан.
 Не страшны нам порывы бури,
 Не страшен тягостный туман.
 Не примиряясь с скорбной долей
 И поражая силу зла –
 Вперед, вселюбящая юность,
 И вдохновенна, и светла!
 Для отдаленных поколений
 Великий свет засветишь ты
 О, пусть же ярко, ярче солнца
 Горят свободные мечты!
 Коль сгибнем мы – придут другие:
 Нетленно то, чем дух наш жил!
 Прощай дряхлеющая старость!
 Нам в путь пора!! Наш час пробил!!!

[11. С. 2].

Произведение Р. Прутца строится на аллегории – противопоставлении молодого поколения старому. Оно написано от лица молодых людей, обращающихся к старикам, которые упрекают молодежь в легкомыслии, хотя когда-то сами были такими. У Вяткина остается местоимение «мы», обозначающее молодое поколение, которое обращается не к старикам, а к старости, в абстрактном значении. Противопоставление сохраняется в описании старости, *утомленной и больной*, и юности, *вселюбящей, вдохновенной и светлой*.

Старики у Прутца – старые, ворчливые, медлительные, с морщинами и седеющей головой, с грустью о прошлом уходят они на покой, в долины, выступающие у Прутца образом спокойной жизни после смерти (*Ihr geht gemach im Thale*), в то время как молодые путешествуют по скалам, символам высоты и риска (*Auf Klippen wandern wir*). Лексика в переводе сибирского автора экспрессивнее, чем в оригинале, метафоры более эмоциональны: *мертвящее смирение, к истлевающим гробам*. У Вяткина образ старости связан с бессильной злобой, близостью неотвратимой и разрушающей смерти, дарующей, однако, покой: *«Все, чем душа твоя горела // В былые дни, давно-давно, // Тобой осмеяно, забыто, // На дне души погребено... // Покой один ты ценишь. Счастье // В покое этом обрела: // И ни одна живая дума // Не тронет мертвого чела...»*. Старость в представлении немецкого поэта – неотъемлемая, значимая часть человеческой жизни, у Вяткина проявляется романтический фатализм. Вяткин передает пафос оригинального произведения, выраженный восклицаниями (*Прощай, о старость!, О, пусть же ярко, ярче солнца // Горят свободные мечты! Нам в путь пора!!*), но добавляет свое, многократно повторяющееся: *«Наш час пробил!»*.

Примечательно, что переводы Плещеева и Вяткина во многом совпадают:

А. Плещеев	Г. Вяткин	Подстрочник
Ты ж, вселюбящая юность, Поражая силу зла, Шествуй твердою стопою, Вдохновенна и светла! Для грядущих поколений Воздвигаешь зданье ты...	Вперед, вселюбящая юность, И вдохновенна, и светла! Для отдаленных поколений Великий свет засветишь ты...	Но ты, господство юности, Взойди, ты вечно молодо, Ты царство добродетели И воодушевления!

Произведение Вяткина можно назвать если не самостоятельным произведением, то бытовым псевдопереводом (по классификации В.И. Карасика [12. С. 117]), основанным на оригинале и другом варианте перевода, с добавлениями собственного стиля

переводчика. Г. Вяткин в целом известен своими вольными переводами многих зарубежных поэтов [13]. Ему присущи особый, индивидуальный стиль переводов, стремление привнести частицу своего творческого видения в переводное произведение. Творчество Вяткина является образцом оригинального регионального восприятия инонациональной литературы.

Таким образом, эти два стихотворения, относящиеся к различным временным периодам, оказываются объединены общей тематикой в духе немецкого бидермайера, затрагивающего проблемы частной жизни простого человека, мотивы старости, труда и смирения в повседневности, которые освещаются авторами с помощью простых и ясных аллегорических образов. К ним примыкает и третий перевод, выполненный неизвестным автором и снабженный лишь указанием источника оригинала («*Берлинская корреспонденция для русских газет*»).

В 1903 г. в № 38 томской газеты «Сибирский листок» публикуется стихотворение «Жизнеописания» немецкого поэта Густава Фальке (*Gustav Falke, 1853–1916*):

G. Falke Lebensläufe	Г. Фальке Жизнеописания (подстрочник)	Три судьбы Из Густава Фальке
Drei kleine Knaben Hüteten die Gänse, Hatt' jeder seine Gaben, und wurde große Hänse.	Три маленьких мальчика Пасли гусей. У каждого были свои таланты, И стали они взрослыми.	Я знал трех мальчуганов На родине своей, Все три пасли баранов, Овец, коров, свиней.
Einer ward ein Schneider, Der hatte zehn Gesellen, Dem <u>König</u> macht' er Klei- der, Dem Narren eins mit Schel- len.	Один стал портным, У которого было десять подмастерий, Делал он одежду для ко- роля И для шутов с бубенчиками.	Один теперь портной. Он отрастил брюшко, Прославил свой покрой И метил далеко.
Der andre nahm 'ne Pfarre, Wusch allem <u>Volk</u> die Kör- fe,	Другой стал пастором. Задавал головомоюку народу,	Другой стал клерикалом. Корит он зло, обманы, И подаянья валом Валят в его карманы.

Der <u>Herr</u> lohnt ihm die Quarre Und füllt ihm Tasch und Töpfe.	Господь вознаграждает его брюзжания И наполняет ему стол и кастрюли.	А третий стал поэтом, Слагал стихи и песни, Хотя на свете этом Есть надо, как известно.
Der dritte ward ein Schrei- ber, Hat schöne <u>Lieder</u> gesun- gen, Die Kinder und Weiber Sind um ihn herumgesprun- gen.	Третий стал писателем, Пел прекрасные песни, Дети и женщины Прыгали вокруг него.	Был одарен портной За швальные заслуги. Вошел в чины второй За ловкие услуги.
Der Schneider kriegt 'nen Orden, Der Pfarrer kriegt die Gicht, Der Schreiber ist verdorben, Wo, weiß man	Портной получил орден, Пастор получил подагру, Писатель скончался, Где, никто не знает.	За оды и сонеты Пожалован ли третий? Ах, нет судьбы на свете Грустней судьбы поэта!
[14. S. 215].		Я слышал и о нем: Жил в вечной суете За ломаным грошом И умер в нищете [15. С. 2].

Оригинальное стихотворение в простой, ироничной форме изображает трех мальчиков, пасших вместе гусей, впоследствии мальчики выросли и пошли разными путями. Больше всех повезло портному, который услужил королю и был награжден, пастор пытался направить людей на путь истинный, но получил лишь подагру (в сибирском варианте пастор вошел в чины, слово *Gicht* 'подагра' проигнорировано переводчиком), а поэт, хоть и радовал людей песнями, умер незамеченным.

Следует отметить, что перевод, опубликованный в «Сибирском листке», на два четверостишия больше оригинала. В добавленной концовке раскрывается судьба поэта: если в оригинале говорится только, что он умер, и никто не знает где, то в переводе он оказывается «избранным», ему единственному не повезло, и автор сочувствует его судьбе. Основываясь на анализе сибирской переводческой рецепции немецкой поэзии, можно утверждать, что он указывает на стремление переводчика внести элемент собственного творчества в произведение, развивать и изменять идеи подлинника.

Характер интерпретативной стратегии автора – тяга к романтическим темам, поэтическому тезаурусу золотого века русской поэзии, обращение «бытовых жизнеописаний», сатирически представленных в оригинале с явно просвечивающей христианской назидательной сентенцией о бренности земного бытия, в лирически возвышенное и распространенное повествование о «трех судьбах», из которых одна выделяется особенно и принадлежит герою-поэту, – всё это позволяет предполагать в сохранившем инкогнито переводчике сибирского автора, постоянного корреспондента томской газеты.

Наконец, еще один представитель поэзии XIX в., чье произведение лишь однажды выбрано для перевода в сибирской периодике и примыкает к описанным выше, – немецкий поэт Гофман фон Фаллерслебен (Hoffmann von Fallersleben, 1798–1874). Его стихотворение «Блаженная забывчивость» печатается в № 16 тобольской газеты «Сибирский листок» в 1908 г. Из подписи к переводу следует, что это перепечатка из газеты «Слово», авторство перевода принадлежит В. Лихачеву:

**Блаженная забывчивость
(Из Гофмана ф. Фаллерслебена)**

Снегирь посажен в клетку был
И рошу скоро позабыл.
То прыг сюда, то скок туда,
Беспечно-радостен всегда,
Он пел о счастье лишь своим:
«О, как привольно мы живем!»
Таков и ты, мой друг и брат.
С чего-то бодр, чему-то рад,
Весь век свой в клетке ты сидишь
И неустанно голосишь
Совместно с глупым снегирем:
«О, как привольно мы живем!»
«Слово» В. Лихачев [16. С. 4].

Гофман фон Фаллерслебен (August Heinrich Hoffmann von Fallersleben, 1798–1874) – немецкий германист и поэт, автор песен, в

том числе и текста знаменитой «Песни немцев» («Deutschland, Deutschland über alles», 1841) [17. С. 421].

Стихотворение посвящено снегирию, который довольствуется жизнью в клетке, забыв, что когда-то жил в роще, на свободе. Автор обращается к читателю: *Таков и ты, мой друг и брат*, сравнивая снегирия с обывателем, который довольствуется малым, мирится с любыми условиями и при этом «голосит» о привольной жизни. Мотив заключения, смирения с обстоятельствами близок сибирскому читателю в связи с историко-географическим контекстом Сибири. Назидательный, призывной тон стихотворения мог пробуждать в сибиряке дух сопротивления, характерный для того времени.

Примечательно, что среди разнообразного творчества немецких писателей сибиряки выбирают для публикации поэтические произведения назидательного характера. В русской литературе философия частной жизни не выделялась в центральное направление развития поэзии, однако оказалась близка региону. Интерес сибирских авторов к поучительным, философским мотивам уже отмечался нами в статьях о наследии М. Нордау и Т. Герцля, представленных в сибирской периодике [18].

Разнообразие восприятия творчества немецких писателей и поэтов, мотивы выбора текстов для печати являются показательным звеном в общей картине сибирской рецепции иностранных писателей. В сибирской словесности, отраженной в публикациях переводов зарубежной литературы в региональных периодических изданиях, очевидна культурная, историко-идеологическая и социальная специфика региона. Своеобразие словесной культуры Сибири обусловлено уникальностью социально-исторических и социально-политических процессов колонизации региона, а также особым положением Сибири как российской провинции и как региона, включенного в международные культурные связи.

Литература

1. *Серягина Ю.С.* Переводы из Генриха Гейне на страницах сибирской периодики рубежа XIX–XX веков // *Русская литература в современном культурном*

пространстве : сб. ст. по материалам VII Всерос. науч. конф. (30–31 октября 2015 г.). Томск : Изд-во ТГПУ, 2015–2016. С. 195–203.

2. *Серягина Ю.С.* Подражания поэзии Г. Гейне в сибирских периодических изданиях 1880–1910-х гг. // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов III междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных. Томск : Изд-во ТГУ, 2016 (в печати).

3. *Серягина Ю.С.* Псевдопереводы произведений Г. Гейне на страницах сибирской периодики рубежа XIX–XX веков // Иностраный язык и межкультурная коммуникация : материалы X междунар. студ. науч.-практ. конф. Томск : Вайар ; ТМЛ-Пресс, 2016. С. 59–67.

4. *Никонова Н.Е., Серягина Ю.С.* Поэзия Н. Ленау на страницах томской периодики начала XX в.: резонансы переводческого восприятия // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 6. С. 196–200.

5. *Серягина Ю.С.* Сибирская дореволюционная периодика как пространство культурного трансфера: переводы с немецкого стихотворений М.Ю. Лермонтова и восприятие наследия Ф. Боденштедта // Сибирский филологический журнал. 2016.

6. *Серягина Ю.С.* Творческое восприятие поэзии Новалиса на страницах дореволюционной периодики Сибири // Диалог культур: поэтика локального текста : материалы V Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г. / под ред. П.В. Алексеева : в 2 т. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2016. Т. 1. С. 120–129.

7. *Гербель Н.В.* Немецкие поэты в биографиях и образцах. СПб., 1877. 656 с.

8. *Bürger G.A.* Gedichte. Frankfurt ; Leipzig, 1789.

9. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1889. № 92. С. 1.

10. *Prutz R.* Gedichte: neue Sammlung. Zürich : Dr.u.Verl.d.literarischen Comptoirs, 1843. S. 18–20.

11. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1905. № 57 (13 марта). С. 3.

12. *Карасик В.И.* Поэтический псевдоперевод как лингвокультурный феномен // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2011. Вып. 9. С. 114–125.

13. *Тихомирова Ю.А., Псевдопереводы Г.А.* Вяткина из Роберта Бернса // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М. : Флинта; Наука, 2014. Т. 2. С. 393–401.

14. *Falke G.* Der Frühlingsreiter. Gedichte von Gustav Falke. Hamburg und Berlin: Alfred Jansfen, 1912.

15. Сибирский листок. 1903. № 38 (18 мая). С. 2.

16. Блаженная забывчивость (Из Гофмана ф. Фаллерслебена) // Сибирский листок. 1908. № 16 (5 февраля). С. 4.

17. *Elschenbroich A.* Hoffmann von Fallersleben, Heinrich // Neue Deutsche Biographie. 1972. В. 9. S. 421–423.

18. *Никонова Н.Е., Серягина Ю.С.* Т. Герцль и М. Нордау в зеркале сибирской периодики рубежа XIX–XX вв.: критика, переводы, театральные рецензии // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 114–124.

GERMAN POETRY OF THE 18TH–19TH CENTURIES IN THE SIBERIAN PERIODICALS OF THE 1880S–1910S

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2017, 13, pp. 57–75.

DOI: 10.17223/23062061/13/4

Yulia S. Seryagina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: seriagina@gmail.com

Keywords: Siberian philological culture, Siberian periodicals, German poetry, translation, perception.

A philological approach to the study of Siberian regional culture implies consideration of regional specifics expressed in language and text. One of the largest aspects is the reception of German poetry in pre-revolutionary periodicals. The aim of the article is a comprehensive review of the German poets' perception by Siberian authors, identification of their translation strategies and the motives of text choice for publishing. The results will serve as part of a larger project: the Electronic Encyclopaedia of Siberia.

The largest Siberian daily newspapers *Sibirskiy vestnik* [Siberian Bulletin], *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life] and *Sibirskaya mysl'* [Siberian Thought] contain 60 poems: 29 belong to German authors, 10 to French authors, 4 to English authors, and 17 are translations from other languages. The Siberians were mostly interested in the works of German Romantics. The most popular among Siberian translators was Heinrich Heine: 19 of 29 translations of German poetry publications are devoted to his works. The reception of Heine's works in the Siberian periodicals can be divided into three categories: translations, imitations and pseudotranslations. Siberian translators were also interested in the works of Nikolaus Lenau and Novalis. Also, the reception of F. Bodenstedt's poetic heritage is very significant, because he is shown as a poet, Orientalist and translator of Russian literature.

Some German poets appeared in the press only once; nevertheless, their translation strategies and motives of their choice by Siberian authors are of great research interest. So, the Siberian periodicals published four translations of poems by prominent German and Austrian poets G.A. Burger and R. Prutz, translated by Siberian authors, by G. Falke, translated by an unknown author, and G. v. Fallersleben, reprinted from the newspaper *Slovo* [Word]. These works share a common theme in the spirit of the German Biedermeier and the philosophy of privacy. In the centre of the story is a simple man, his everyday problems and troubles and eternal questions of age, life and death. Among the diverse works of German writers Siberians choose to publish poems with an edificative character. The multifaceted Siberian perception of German poets' creativity is indicative for the detailed picture of foreign writers' reception.

References

1. Seryagina, Yu.S. (2015–2016) [Translations from Heinrich Heine in Siberian periodicals at the turn of the 20th century]. *Russkaya literatura v sovremennoy kul'turnom prostranstve* [Russian Literature in Contemporary Cultural Space]. Proc. of

the Seventh All-Russian Conference. Tomsk. October 30-31, 2015. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 195–203. (In Russian).

2. Seryagina, Yu.S. (2016) [Imitations of H. Heine's poetry in Siberian periodicals of the 1880s–1910s]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Topical Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proc. of the Third International Conference of Young Researchers. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian). [In print].

3. Seryagina, Yu.S. (2016) Pseudoperevody proizvedeniy G. Geyne na stranitsakh sibirskoy periodiki rubezha XIX–XX vekov [Pseudo-translations from H. Heine in Siberian periodicals at the turn of the 21st century]. *Inostranny yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Foreign Languages and Intercultural Communication]. Proc. of the Tenth International Student Conference. Tomsk: Vayar; TML-Press. pp. 59–67.

4. Nikonova, N.E. & Seryagina, Yu.S. (2015) The poetry of N. Lenau in Siberian periodicals in the early 20th century: Resonances of translational perception. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6. pp. 196–200. (In Russian).

5. Seryagina, Yu.S. (2016) Sibirskaya dorevolutsionnaya periodika kak prostranstvo kul'turnogo transfera: perevody s nemetskogo stikhotvoreniy M.Yu. Lermontova i vospriyatie naslediya F. Bodenshtedta [Siberian pre-revolutionary periodicals as a space for cultural transfer: Translations from German of the poems by M.Yu. Lermontov and the perception of F. Bodenshtedt's heritage]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*.

6. Seryagina, Yu.S. (2016) [Creative perception of Novalis' poetry in Siberian pre-revolutionary periodicals]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of Cultures: Poetics of Local Text]. Proc. of the Fifth International Conference. Gorno-Altaysk. September 26-29, 2016. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 120–129. (In Russian).

7. Gerbel, N.V. (1877) *Nemetskie poety v biografiyakh i obraztsakh* [German poets in biographies and poems]. St. Petersburg: [s.n.].

8. Bürger, G.A. (1789) *Gedichte* [Poems]. Frankfurt; Leipzig: [s.n.].

9. *Sibirskiy vestnik*. (1889) Fel'ton “Sibirskogo vestnika” [The feuilleton of “Sibirsky Vestnik”]. 92. p. 1.

10. Prutz, R. (1843) *Gedichte: neue Sammlung* [Poems. New Collection]. Zürich: Dr.u.Verl.d.literarischen Comptoirs. pp. 18–20.

11. *Sibirskiy vestnik*. (1905) Fel'ton “Sibirskogo vestnika” [The feuilleton of “Sibirsky Vestnik”]. 13th March. p. 3.

12. Karasik, V.I. (2011) Poeticheskiy pseudoperevod kak lingvokul'turnyy fenomen [Poetic pseudo-translations: linguistic and cultural aspects]. In: Kashkin, V.B. (ed.) *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, Communication and Social Environment]. Vyp. 9. Voronezh. pp. 114–125.

13. Tikhomirova, Yu.A. (2014) Pseudoperevody G. A. Vyatkina iz Roberta Bernsa [Pseudo-translations by G.A. Vyatkin from Robert Burns]. In: Zhatkin, D.N. (ed.) *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noe literaturovedenie* [Artistic Translation and Comparative Literary Criticism]. Vol. 2. Moscow: Flinta, Nauka. pp. 393–401.

14. Falke, G. (1912) *Der Frühlingsreiter. Gedichte von Gustav Falke* [The Spring Rider. Poems by Gustav Falke]. Hamburg und Berlin: Alfred Jansfen.
15. *Sibirskiy listok*. (1903). 18th May. pp. 2.
16. *Sibirskiy listok*. (1908). Blazhennaya zabyvchivost' (Iz Gofmana f. Fallerslebena) [Blissful forgetfulness (From Hoffmann, F. Fallersleben)]. 5th February. pp. 4.
17. Elschenbroich, A. (1972) Hoffmann von Fallersleben, Heinrich [Hoffmann of Fallersleben, Heinrich]. In: *Neue Deutsche Biographie* [New German Biographies]. B.9. pp. 421–423.
18. Nikonova, N.E. & Seryagina, Yu.S. (2016) Th. Herzl and M. Nordau in Siberian periodicals at the turn of the 19th–20th centuries: Criticism, translations and theater reviews]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 114–124. (In Russian). DOI: 10.17223/181370

УДК 021.6

DOI: 10.17223/23062061/13/5

В.А. Есипова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И ЕВРОПЕЙСКИЕ СЕТЕВЫЕ БИБЛИОТЕКИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается опыт взаимодействия отечественных библиотек и других учреждений культуры с европейскими сетевыми библиотеками *The European Library* и *Europeana*. Приводится краткая история этих проектов, описываются различные точки зрения на перспективы возможного сотрудничества. Дается характеристика коллекций НБ ТГУ, которые предполагается предложить для представления в *The European Library* и *Europeana*, кратко обосновываются причины выбора.

Ключевые слова: *The European Library, Europeana, сетевые библиотеки.*

Сетевое взаимодействие играет сейчас большую роль как в жизни личности, так и в деловой жизни. Теория сетевого взаимодействия является одним из современных широко используемых социологических инструментов [1, 2 и др.]. Однако однозначной формулировки сети до сих пор не существует; различные авторы определяют ее по-своему в зависимости от области исследования, цели работы и т.д. Понятие сети, используемое в общественных науках, уходит своими корнями в исследования по социальной антропологии и психологии [3–5]. Широко известны исследования, например, социальных сетей. Нередко сетевая теория применяется для анализа процессов, происходящих в образовании и культуре [6].

Исследователями сформулированы основные методологические принципы сетевой теории, среди которых отметим: структуру отношений сети как ее центральный момент; состав социальных субъектов сети, к которым относятся не только конкретные люди, но также организации, страны и общества; необходимость рассматривать не только социальные субъекты сети и связи между

ними, но также потоки ресурсов, которыми субъекты обмениваются между собой, и ряд других.

В настоящее время Научная библиотека Томского государственного университета рассматривает возможности сотрудничества с двумя крупными европейскими сетевыми библиотеками: The European Library и Europeana. История этих проектов подробно описана в работе Е.И. Зиминой [7]. The European Library была основана в 1997 г., когда начался проект GABRIEL (Gateway and Bridge to Europe's National Libraries, 1997–2004). Тогда в проекте участвовали 43 национальных библиотеки 41 страны Европы, в том числе РГБ и РНБ. В настоящее время этот интернет-сервис предоставляет доступ к ресурсам 48 национальных библиотек Европы на 35 языках, в том числе на русском. Каждая из библиотек – членов проекта входит в состав «Конференции директоров европейских национальных библиотек» (Conference of European National Librarians – CENL), которая и финансирует проект; также он поддерживается силами библиотек – членов The European Library. Представительство The European Library находится в Королевской Национальной библиотеке Нидерландов (Koninklijke Bibliotheek, Гаага). За время существования The European Library был реализован ряд проектов, начиная от доступа к каталогам библиотек-партнеров до предоставления полнотекстового доступа. В настоящее время через портал осуществляется доступ к 24 млн страниц с полнотекстовым контентом, 18 млн цифровых объектов и 119 млн библиографических записей библиотек – участниц проекта [8].

Многоязычный портал Europeana начал создаваться в 2007 г.; в его создании принимали активное участие CENL и Национальная библиотека Нидерландов, где и располагается центральный офис проекта. Финансирует Europeana Европейская комиссия. Europeana аккумулирует цифровое европейское наследие, и в настоящее время на этом портале представлен доступ к коллекциям 1 500 учреждений культуры (библиотек, музеев, архивов и др.) из разных стран Европы. Сейчас Europeana работает независимо от The Euro-

pean Library, а с 2010 г. The European Library является агрегатором из национальных библиотек для Europeana. Структура и текущая работа The European Library и Europeana были представлены в докладе Дж. Кузинс на четырнадцатой международной научно-практической конференции «Электронный век культуры» [9]. На портале Europeana представлен список текущих агрегаторов, предоставляющих доступ к ресурсам европейских библиотек, музеев, архивов и т.д. [10].

Ряд российских библиотек уже принимал или принимает участие в работе The European Library и Europeana. РГБ сотрудничает с The European Library с 2007 г.: осуществлен доступ к каталогу, предоставлен ряд экспонатов на виртуальные выставки, осуществлен перевод ряда страниц The European Library на русский язык. РНБ вошла в проект в 2008 г. [11], осуществила доступ к своему электронному каталогу и к коллекции петровских «Ведомостей» – первой русской газете.

К 2012 г. в Europeana представили свои материалы пять российских музеев:

- Государственная Третьяковская галерея – 633 информационных объекта;
- Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева – 282 информационных объекта;
- Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей;
- Заповедник – 24 291 информационный объект;
- Чувацкий государственный художественный музей – 18 532 информационных объекта;
- Музей истории Казанского университета – 101 информационный объект.

Итого в Europeana было представлено на 2012 г. 43 839 информационных объектов из российских музеев [12].

Однако опыт взаимодействия с зарубежными сетевыми библиотеками оценивается неоднозначно. Так, генеральный директор РГБ А.И. Вислый в своей статье выразил сомнения в эффективности

работы с крупными сетевыми библиотеками (Мировая цифровая библиотека – проект библиотеки Конгресса США и The European Library (TEL)) [13]. Его аргументация сводилась к тому, что в Мировую цифровую библиотеку необходимо передавать полные тексты, а предоставление их пользователям идет крайне медленно. В случае The European Library предоставляется не полнотекстовая информация, а поисковые индексы библиографической информации учреждений – участников проекта. Но очень высока плата (порядка 15 тыс. евро в год), а поток посетителей после включения РГБ в проект увеличился незначительно (за первые полгода 2014 г. – менее 900 обращений). С точки зрения А.И. Вислого, выходом должно было стать создание Национальной электронной библиотеки (НЭБ).

Таким образом, анализируя предыдущий опыт, можно сказать, что участие российских библиотек в работе Europeana и The European Library не носит в настоящий момент систематический характер, а количество представленных информационных объектов чрезвычайно мало. Вместе с тем представляется, что возможности подобных сетевых структур могут быть полезны российским библиотекам, в частности, открывая им прямой доступ к европейскому пользователю. В этом случае существенным становится вопрос содержания предоставляемого контента, который был бы интересен потенциальной аудитории, с одной стороны, и давал бы представление о фондах библиотеки – с другой.

В этой связи Научной библиотекой ТГУ были разработаны предложения по предоставлению информационных объектов, отражающих фонды библиотеки, в Europeana и The European Library. Эти предложения включают, с одной стороны, информацию, которая будет интересна европейскому пользователю: коллекция инкунабул (26 ед.) [14], коллекция гравюр, известная как «Шекспиро-Бойделевская галерея» (67 л.) [15], подборка «мазаринад» из библиотеки Строганова (718 ед.). При этом не следует опасаться дублирования материала: например, свои коллекции инкунабул европейские библиотеки представляют в Europeana полностью, невзирая на наличие в сетевой библиотеке уже оцифрованных книг.

Так, свои цифровые копии труда М. Каркано «*Sermonarium triplicatum per adventum...*» (Базель, 1479) представили Национальная библиотека Чешской республики, Баварская государственная библиотека, библиотека университета Дармштадта и др. [16]. Это совершенно оправданно, поскольку в случае инкунабул интерес представляет история каждого экземпляра тиража.

С другой стороны, чтобы представить фонды своей библиотеки и сибирскую специфику, предполагается предоставить доступ к коллекции сибирских делопроизводственных документов XVII в. (141 ед.) [17] и к коллекции рукописей на бересте (73 ед.) [18].

Таким образом, уже сейчас можно охарактеризовать сотрудничество НБ ТГУ с Europeana и The European Library в терминах теории социальных сетей. Как видно, структура отношений сети в данном случае централизована, субъекты взаимодействуют напрямую с агрегаторами, а не с центром. Основными субъектами сети выступают учреждения культуры – преимущественно европейские, но также и находящиеся в странах за пределами Евросоюза. Поток ресурсов, которыми обмениваются субъекты, представляет собой информацию о культурном наследии Европы и собственно сами оцифрованные объекты культурного наследия. Цель НБ ТГУ – стать одним из субъектов этой сети и принимать активное участие в информационном обмене внутри нее.

В настоящее время ведутся переговоры о структуре сотрудничества. Поскольку стоимость участия в проекте весьма высока, было принято решение о том, что работа с Europeana и The European Library будет идти через регионального агрегатора, каковым в данном случае согласилась выступить РНБ, которая, в свою очередь, передает поисковые индексы библиографической информации The European Library. Принципиального согласия РНБ и НБ ТГУ уже достигли, сейчас РНБ решает организационные вопросы с The European Library, после чего предполагается заключение договора между НБ ТГУ и РНБ. Представляется, что реализация подобных схем сотрудничества позволит НБ ТГУ

привлечь интерес не только отечественного, но и европейского пользователя.

Литература

1. *Князева Е.И.* Сетевая теория в современной социологии // Социология. 2006. № 2. С. 82–88.
2. *Зайцева П.В.* Теоретические основы функционирования сетевых форм взаимодействия // Экономика российских регионов : материалы II Молодежного экономического форума, 12–13 ноября 2009 года, г. Петрозаводск. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 57–60.
3. *Homans G.C.* Social behavior: Its elementary forms. N. Y.: Harcourt, Brace and World, 1961. XII, 404 p.
4. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 494–505.
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. ; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Сетевое взаимодействие – ключевой фактор генерации инновационной среды образования, науки, бизнеса. Практика Национального исследовательского Томского государственного университета в реализации инновационных процессов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 18 с.
7. *Зимина Е.И.* The European Library и Europeana: история, проекты, будущее // Библиотекосведение. 2011. № 1. С. 97–102.
8. About us // The European Library. URL: <http://www.theeuropeanlibrary.org/tel4/aboutus> (дата обращения: 29.12.2015).
9. *Cousins J.* Europeana Strategy 2020 – Making it work for the users and the data providers // Электронный век культуры : Четырнадцатая междунар. науч.-практ. конф. URL: <http://www.aselibrary.ru/video/conference43/conference436708/> (дата обращения: 28.12.2015).
10. Europeana. URL: <http://www.europeana.eu/portal/browse/sources.html> (дата обращения: 29.12.2015).
11. Международная деятельность РНБ // Российская национальная библиотека. URL: <http://www.nlr.ru/md/mpro/tel.html> (дата обращения: 28.12.2015).
12. *Браккер Н.В., Куйбышев Л.А.* Европейская цифровая библиотека Europeana и российские учреждения культуры // Новости Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений. 2013. № 1 (100). С. 38–44.
13. *Вислый А.И.* Международный опыт создания электронных библиотек // Медиатека и мир. 2014. № 4. С. 5–6. URL: <http://inter-legal.ru/mezhdunarodnyj-opyt-sozdaniya-elektronnyx-bibliotek> (дата обращения: 28.12.2015).

14. Каталог инкунабул Научной библиотеки Томского университета / сост. В.В. Лобанов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 40 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000113688> (дата обращения: 24.12.2015).

15. Произведения Шекспира в английской гравюре XVIII в. / сост. Н.В. Васенькин. Томск : Научная библиотека ТГУ, 2011. URL: http://www.lib.tsu.ru/win/vystavki/ork_1/sh.html (дата обращения: 24.12. 2015 г.).

16. Europeana. Результат поиска по запросу «Carcano». URL: <http://www.europeana.eu/portal/search?q=Carcano&qf%5B%5D=1479> (дата обращения: 25.12.2015).

17. Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / сост. В.А. Есипова, Г.Н. Старикова. Томск : Изд-во ТГУ, 1999. 155 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000068296> (дата обращения: 24.12.2015).

18. Есипова В.А., Куклина Т.Э. «Заимочная» коллекция: рукописи XX в. на бересте. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 124 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000489094> (дата обращения: 24.12.2015).

TOMSK STATE UNIVERSITY RESEARCH LIBRARY AND EUROPEAN NETWORK LIBRARIES: OPPORTUNITIES FOR COOPERATION

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2017, 13, pp. 76–84.

DOI: 10.17223/23062061/13/5

Valeriya A. Esipova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

Keywords: European Library, Europeana, network libraries.

The article discusses the experience of interaction between Russian libraries and other cultural institutions with European network libraries: the European Library and Europeana. A brief history of those projects, one of which was started in 1997 and the other in 2007, is presented. At the beginning of the European Library project 43 national libraries of European countries took part in it, including the Russian State Library and the Russian National Library. Now the Europeana project brings together more than 1,500 cultural institutions all over Europe. Agencies of the European Library and Europeana are in the Royal Library of Netherlands; projects are financed both by libraries-members of the projects and by the European Commission. Russian libraries are poorly represented in the European Library and Europeana: the Russian State Library and the Russian National Library joined the project in 2007–2008, and opened access to their electronic catalogues and some digital collections. In additions, five Russian museums opened access to several of their digital collections. Thus, analyzing the previous experience, we can say, that the participation of Russian libraries in Europeana and the European Library is not systematic at the moment and the number of submitted information objects is extremely small.

The article presents different points of view on the perspectives of possible cooperation. In particular, some experts believe that this kind of cooperation is ineffective; they offer the development of the National Electronic Library as an alternative.

The general characterization of Tomsk State University Research Library collections, supposed to be provided for presentation to the European Library and Europeana, is shown; the reasons for the selection of collections are briefly justified. It is shown that the problem of content is very important: it should be interesting for the potential audience and should provide insights into the Tomsk State University Research Library funds as well. On this bases collections were selected both of European editions (incunabula, engravings and so on) and of materials showing the Siberian specifics (Siberian business documentation, manuscripts on birch bark). The structure of cooperation between Tomsk State University Research Library, the European Library and Russian National Library is being currently discussed. It seems that the implementation of these projects will allow Tomsk State University Research Library to attract attention not only of domestic, but also of European users.

References

1. Knyazeva, E.I. (2006) *Setevaya teoriya v sovremennoy sotsiologii* [The network theory in modern sociology]. *Sotsiologiya*. 2. pp. 82–88.
2. Zaytseva, P.V. (2009) [Theoretical bases of interaction network functioning]. *Ekonomika Rossiyskikh regionov* [Economy of Russian Regions]. Proc. of the Second Youth Economic Forum. Petrozavodsk. November 12–13, 2009. Petrozavodsk: Karelian Research Centre, RAS. pp. 57–60. (In Russian).
3. Homans, G.C. (1961) *Social behavior: Its elementary forms*. New York: Harcourt, Brace and World.
4. Castells, M. (1999) Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [The formation of a network society]. In: Inozemtsev, V.L. (ed.) *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [A new post-industrial wave in the West]. Moscow: Academia. pp. 494–505.
5. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economics, Society and Culture]. Translated from English by O.I. Shkaratan. Moscow: GU VShE.
6. Tomsk State University. (2011) *Setevoe vzaimodeystvie – klyuchevoy faktor generatsii innovatsionnoy sredy obrazovaniya, nauki, biznesa. Praktika Natsional'nogo issledovatel'skogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v realizatsii innovatsionnykh protsessov* [Networking is a key factor in generating an innovative environment for education, science, and business. The practice of the National Research Tomsk State University in the implementation of innovation processes]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Zimina, E.I. (2011) The European Library i Europeana: istoriya, proekty, budushchee [The European Library and Europeana: History, projects, future]. *Bibliotekovedenie – Library and Information Science*. 1. pp. 97–102.

8. The European Library. (n.d.) *About us*. [Online] Available from: <http://www.theeuropeanlibrary.org/tel4/aboutus>. (Accessed: 29th December 2015).
9. Cousins, J. (n.d.) *Europeana Strategy 2020 – Making it work for the users and the data providers*. *Elektronnyy vek kul'tury* [Electronic Age of Culture]. The Fourteenth International Conference. [Online] Available from: <http://www.ase-library.ru/video/conference43/conference436708/>. (Accessed: 28th December 2015).
10. *Europeana*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.europeana.eu/portal/browse/sources.html>. (Accessed: 29th December 2015).
11. The Russian National Library. (n.d.) *Mezhdunarodnaya deyatel'nost' RNB* [International Activities of the National Library of Russia]. [Online] Available from: <http://www.nlr.ru/md/mpro/tel.html>. (Accessed: 28th December 2015).
12. Brakker, N.V. & Kuybyshev, L.A. (2013) *Evropeyskaya tsifrovaya biblioteka Europeana i rossiyskie uchrezhdeniya kul'tury* [European Digital Library Europeana and Russian cultural institutions]. *Novosti Mezhdunarodnoy federatsii biblioteknykh assotsiatsiy i uchrezhdeniy*. 1(100). pp. 38–44.
13. Vislyy, A.I. (2014) *Mezhdunarodnyy opyt sozdaniya elektronnykh bibliotek* [International experience of creating digital libraries]. *Mediateka i mir*. 4. pp. 5–6. [Online] Available from: <http://inter-legal.ru/mezhdunarodnyj-opyt-sozdaniya-elektronnyx-bibliotek>. (Accessed: 28th December 2015).
14. Lobanov, V.V. (ed.) (1988) *Katalog inkunabul Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta* [The incunabula catalog of the Scientific Library of Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000113688>. (Accessed: 24th December 2015).
15. Vasenkin, N.V. (ed.) (2011) *Proizvedeniya Shekspira v angliyskoy gravюре XVIII v.* [Shakespeare's works in the English engraving of the 18th century]. [Online] Available from: http://www.lib.tsu.ru/win/vystavki/ork_1/sh.html. (Accessed: 24th December 2015).
16. *Europeana*. (n.d.) *Rezultat poiska po zaprosu "Carcano"* [Search results for "Carcano"]. [Online] Available from: <http://www.europeana.eu/portal/search?q=Carcano&qf%5B%5D=1479>. (Accessed: 25th December 2015).
17. Esipova, V.A. & Starikova, G.N. (eds) (1999) *Pervoe stoletie osvoeniya Sibiri ruskimi. Novye dokumenty. Sobranie sibirskikh gramot XVII – nachala XVIII vekov v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The first century of the development of Siberia by the Russians. New documents. Collection of Siberian certificates of the 17th – early 18th centuries in the collections of the Research Library of Tomsk State University]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000068296>. (Accessed: 24th December 2015).
18. Esipova, V.A. & Kuklina, T.E. (2014) *"Zaimochnaya" kolleksiya: rukopisi XX v. na bereste* ["Zaimochnaya" collection: Manuscripts of the 20th century on the birch bark]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000489094>. (data Accessed: 24th December 2015).

УДК 002.2(571.16)''19/20''
DOI: 10.17223/23062061/13/6

Н.П. Дворцова

ТОМСК КНИЖНЫЙ: ЭПОХА ЦВЕТУЩЕЙ СЛОЖНОСТИ

***Аннотация.** Статья является отзывом на коллективную монографию «Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.)», вышедшую в Томске в 2014 г. Сосредоточенность на локальном книжном пространстве позволяет томским исследователям аргументированно опспорить известную идею «об отставании провинции от центра», что, наряду с введением в научный оборот комплекса новых материалов, связанных с историей томской книги, дает возможность дальнейшего осмысления вопросов истории книжного дела Сибири и главных его представителей: издателей, книготорговцев и читателей.*

Ключевые слова: книжная культура, Сибирь, Томск, XIX – начало XX в.

Из истории книжной культуры Сибири известно, что с конца 1880-х гг. и до 1917 г. Томск был главным центром издательского дела на огромных российских пространствах за Уралом, потеснив лидеров предшествующих эпох – Иркутск и Тобольск [1]. Именно в это время (1891 г.) Томск стали называть Сибирскими Афинами.

Этот поистине золотой для книжного Томска период и стал объектом изучения в монографии «Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.)», первом системном исследовании томской книги, предпринятом учеными Томского государственного университета и, что немаловажно, поддержанном областной администрацией и грантом РГНФ (проект № 11-14-70002 а/Т).

Исследование в целом осуществлено в русле традиции новосибирской книговедческой школы (ГПНТБ СО РАН): вне созданной новосибирцами парадигмы книговедческого анализа локального книжного пространства вряд ли сегодня возможно изучение регионального книгоиздания.

Вместе с тем исследование томских ученых опирается на концепцию «культурных гнезд» Н.К. Пиксанова, что во многом определяет своеобразие и его важнейшую идею о «ярко выраженной специфике... томского культурного гнезда» [2. С. 383].

Сосредоточенность на локальном книжном пространстве позволяет томским исследователям аргументированно оспорить известную идею «об отставании провинции от центра» и обосновать концепцию «неравномерного развития книжного дела в различных регионах» [Там же. С. 396]. Заслугой авторов «Книжной культуры Томска» представляется скрупулезное – на основе архивных материалов – доказательство того, что во многом «именно правительственная политика являлась тормозящим фактором» развития книжного дела в Томске, да и в Сибири в целом. Томские исследователи убедительно доказывают, что удаленность от центра с его административным и духовным диктатом парадоксальным образом оказывалась позитивным фактором становления экономической и культурной самостоятельности края [Там же. С. 383].

В четырех главах исследования представлена оригинальная, с нашей точки зрения, концепция многообразия томской книжной культуры в указанный период. Если воспользоваться словами К.Н. Леонтьева о цветущей сложности как особом периоде процесса развития, то можно вести речь о концепции цветущей сложности томской книжной культуры. При этом качество анализа структуры и тенденций развития томского книгоиздания может быть охарактеризовано как скрупулезность, удачное сочетание изучения микро- и макроуровней книжного дела.

В монографии (гл. 1) на основе различения и взаимосвязи издательского дела и полиграфии дается системный и вместе с тем детальный анализ становления и развития полиграфической, бумажной и издательской индустрии, типографской техники и технологий; характеризуются издающие организации и издательские предприятия, а также региональный книжный репертуар. Особое внимание в первой главе и книге в целом уделяется личности П.И. Макушина, которого справедливо называют «вторым Ермаком, покорившим Сибирь книгою». Акцентирование личностного аспекта – важнейшая особенность монографии, что, в частности, проявляется во внимании исследователей к личным книжным собраниям (гл. 3) и проблеме местного авторского корпуса.

Культура распространения книги в обществе исследуется в монографии (гл. 2) в ходе изучения структуры и развития книжной торговли (§ 2.2). Особое внимание исследователи уделяют взаимосвязи книжной торговли и просвещения края, а также роли рекламы в книгораспространении. Важным представляется акцент на распространении не только так называемой разрешенной, но и различного рода запрещенной книги.

Системному анализу библиотечной сети (библиотек учебных заведений, общественных организаций, народных, частных личных и частных публичных, «продажных» и т.д.) посвящена едва ли не половина книги (§ 2.2; 3.1–3.4; 179 страниц из 397). Этот раздел в немалой степени способствует констатации двух явлений: во-первых, многообразия томской книжной культуры рубежа XIX–XX вв., во-вторых, существования особой, точнее, высокой культуры хранения и изучения книжных собраний, прежде всего личных, в современном Томске.

Особый интерес в монографии вызывает анализ старообрядческих библиотек, объединяющих книги печатные и рукописные, в том числе рукописи на бересте. Уникальные издания из библиотеки первого старообрядческого епископа Сибири Савватия, библиотеки Нифантовых, Скитской и Заимочной библиотек позволяют по-новому осмыслить феномен старообрядческой книжной культуры.

Роли и функциям рукописной книги в томском репертуаре посвящена гл. 4, свидетельствующая о высоком уровне археографических исследований в Томском государственном университете. В ней анализируется динамика сосуществования печатных и рукописных книг XV–XXI вв.; выделяются разновидности рукописных книг; обосновываются критерии сибирского происхождения рукописей (бумага, почерк, орнаментика, переплет, конструкция блока и справочно-вспомогательные элементы); выявляются читательские интересы томичей по материалам рукописных книг; раскрываются особенности взаимодействия культуры рукописных книг с системой книгопечатания.

Богатство материала, глубина его осмысления, оригинальность концепции цветущей сложности томской книжной культуры XIX–начала XX в., разработанной исследователями, не означают, тем не менее, отсутствия вопросов к ним по ряду общезначимых для сибирского (да и российского) книгоиздания проблем.

Прежде всего вопрос вызывает тот факт, что в монографии не ставится проблема периодизации томской книжной культуры и, соответственно, особенности места в истории томской книги выбранного для анализа периода. Причем если вопрос о генезисе и истоках периода XIX – начала XX в. в книге бегло, но рассматривается, то вопрос о будущем и судьбе достижений томской книжной культуры этого времени, к сожалению, не ставится, хотя, подчеркнем, в работе есть для этого все основания. И дело даже не в проблеме периодизации как таковой, вопрос – в самом чувстве истории томской книжной культуры, ощущении ее процессуальности, а не фрагментарности.

В издании, кроме того, никак не оговаривается тот факт, что речь в нем идет о русской книжной традиции – не единственной национальной традиции в Сибири.

Вопрос к авторам монографии рождает еще и то, что, рассматривая книжную культуру в единстве ее структурных элементов (культура книги, культура книгораспространения, культура чтения), как это принято в современном отечественном книговедении, они почти не обращаются к изучению такого важного ее аспекта, как искусство книги, связанного с художественным конструированием изданий, искусством иллюстрирования, редакторской подготовки изданий. К сожалению, на сегодняшний день вопрос о редакторском корпусе сибирского книгоиздания – один из самых малоизученных. Не сказывается ли это на статусе редактора в современном издательском деле?

К числу дискуссионных вопросов, рожденных исследованием «Книжная культура Томска», относится и вопрос о методологии и методике изучения чтения и читательских практик. Самодостаточно ли тот путь, который избрали авторы книги, когда чтение изу-

чается косвенными методами: через анализ репертуара и структуры различного рода библиотек?

Очевидно, что все эти вопросы связаны с перспективами исследований томских книговедов. Дискуссионный характер ряда проблем истории и теории книжной культуры в монографии томских исследователей позволяет точнее обозначить ее бесспорную особенность: ее основные положения и выводы базируются на анализе уникальных книжных собраний отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, Томского областного краеведческого музея, Института истории СО РАН и других организаций. Это тот фонд, который по праву называется национальным достоянием и книжным сокровищем Сибири. Уже сам факт его существования – свидетельство высокой книжной культуры современного Томска, выразительнейший штрих книжного портрета города.

Монография об эпохе цветущей сложности томской книжной культуры XIX – начала XX в. оказывается, таким образом, бесспорным доказательством высокого уровня сегодняшней книжной и исследовательской культуры Сибирских Афин. Немаловажным подтверждением этого является и тот факт, что книга томских исследователей прочно вошла в практику университетского обучения студентов-издателей, в частности в Тюменском государственном университете.

Литература

1. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 196–197.
2. Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск, 2014.

TOMSK IN BOOKS: THE EPOCH OF THE BLOOMING COMPLEXITY

Текст. Книга. Книгоиздание – Текст. Книга. Публикация, 2017, 13, pp. 85–90.

DOI: 10.17223/23062061/13/6

Natalya P. Dvortsova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation).
E-mail: kaf_jdir@utmn.ru

Keywords: book culture, Siberia, Tomsk, 19th – early 20th centuries.

The article is a review of the collective monograph *Knizhnaya Kul'tura Tomsk (XIX - nachalo XX veka)* [Book Culture of Tomsk (the 19th – early 20th centuries)], published in Tomsk in 2014. The concentration on the local book space allows Tomsk researchers to argue reasonably the well-known idea of “the province lagging behind the center”, which, along with the introduction into the academic use of a complex of new materials related to the history of the Tomsk book, provides an opportunity for further understanding of the history of the book business of Siberia and its main representatives: publishers, booksellers and readers.

References

1. Volkova, V.N. (ed.) *Ocherki istorii knizhnoy kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Essays on the history of book culture of Siberia and the Far East]. Vol. 1. Novosibirsk: RAS. pp. 196–197.
2. Esipova, V.A. & Vorobyeva, T.L. (eds) (2014) *Knizhnaya kul'tura Tomsk (XIX – nachalo XX v.)* [Book culture of Tomsk (the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 655.2

DOI: 10.17223/23062061/13/7

В.А. Андреева, К.И. Шарафадина

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМНОЙ ДИЗАЙН-КОНЦЕПЦИИ УЧЕБНОЙ КНИГИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ПОЛЬСКИХ ГИМНАЗИЙ

Аннотация. В статье доказывается необходимость системного подхода в дизайн-проектировании учебника нового поколения как открытой динамической коммуникативной системы. Авторы обосновывают принцип системности и предлагают методику его реализации, моделируя программу художественного оформления учебного издания. Реализация модели показана на совместном издательском проекте учебника по русскому языку для польских гимназий.

Ключевые слова: РКИ (русский как иностранный), учебное издание, системный подход, дизайн-проектирование, коммуникативная система, иллюстративный ряд.

Перед командой специалистов издательств «Дрофа» (Россия) и «WSiP» (Польша) при разработке совместного проекта учебно-методического комплекта (УМК) по РКИ (для 1–3-го гимназических классов) была поставлена первоочередной задачей проанализировать уже изданные учебники, практикумы по русскому языку как иностранному для польских школьников в аспекте соответствия изданий современным художественно-коммуникативным принципам дизайна учебной литературы.

Предварительный анализ, проведенный экспертной группой опытных профессиональных редакторов, дизайнеров, художественных редакторов, показал, что уже изданные УМК не имеют концептуальной установки, диктуемой особенностями построения языкового учебника (русский или иностранный с учетом сравнительной грамматики обоих языков, принадлежащих к славянской языковой группе), а также не обладают системной целостностью художественно-графического оформления.

Системное исследование любого объекта делится на два этапа [1]. Первый этап носит описательный характер, на втором этапе это описание формализуется. Применительно к учебнику одна из задач системного подхода – разработка своего рода алгоритма проектирования. Это следует трактовать как определенную систему указаний, как оформляется тот или иной вид учебника, что следует делать в плане проектирования дизайна для достижения тех или иных целей.

В общем плане задача может быть сформулирована, во-первых, как определение компонентов системы, иерархических уровней, подсистем; во-вторых, как выявление системообразующих свойств, связей и отношений между компонентами и подсистемами [2–4].

Для системы учебника в целом компонентами могут быть обложка, форзац, система рубрикации, иллюстративный ряд и подрисуночные подписи, вклейки и т.д. Что касается связей, то они осуществляются рубрикацией и ее системным оформлением; наличием и расположением иллюстраций в частях (разделах, параграфах); количественными соотношениями между иллюстрациями (рисунками, фотографиями, диаграммами); между иллюстрациями, имеющими самостоятельное художественное значение или только иллюстрирующими текст и т.д. [5].

На уровне системы рубрикации (часть, раздел, параграф и т.д.) внимание следует уделить количеству материалов и используемых в рубрике разных видов текстов (основного и дополнительного, справочно-вспомогательного) и, как следствие, соотношению между шрифтовыми гарнитурами (кеглями, форматами полос набора; наличию спусков; количественным соотношениям между разными иллюстрациями и т.д.).

На уровне параграфа возможными объектами анализа могут быть оформление начальной полосы (спуск, иллюстративная заставка, буквица); максимальный и минимальный объем материала; средства выделения (применение двух или трех шрифтовых гарнитур, прописные и строчные знаки, различные начертания – полу-

жирное, курсивное, наклонное и т.д.); среднее количество и форматы иллюстраций, способы их размещения и пр.

Важно найти правильное соотношение между изобразительными компонентами и содержанием учебника. Исходя из этого, необходимо разработать методику иллюстрирования, в которой будет учтено, что, как и в какой мере следует иллюстрировать. Познавательная функция иллюстрации может выражаться в удачно найденных комбинациях разнотипных изображений (коллаже) [6].

Таким образом, суть программы дизайн-проектирования учебников нового поколения состоит в разработке целостной функциональной системы, способствующей самостоятельной работе и формирующей у обучаемого систему определенных компетенций. Выбор вида, формы, количества графических средств должен находиться в прямой зависимости от дидактической модели учебника как сценария образовательного процесса, задающего технологию изучения учебной дисциплины.

В проектную группу вошли ведущие редакторы и дизайнеры из России и Польши. Было оформлено проектное задание с точными и мотивированными характеристиками целей данного учебного издания, указаны утилитарные особенности, оговорены все ограничения производственно-экономического характера, а также структура изданий и функциональные требования к иллюстративным рядам.

Выполненный проект «Времена» состоит из трех учебно-методических комплектов, включающих учебную книгу, практикум, методическое руководство и компакт-диск и объединенных темой знакомства с Россией: «Главные города России» (1-й год обучения), «Природа России» (2-й год обучения), «Искусство России» (3-й год обучения).

Дизайн-концепция активно отражена во внутреннем и внешнем оформлении. Опишем ее на примере учебной книги «Главные города России» (1-й год обучения). Выбранный формат 60×90/18 (215×290 мм) позволил создать оптимальные условия для зрительного восприятия текста и иллюстраций и разместить многоплановый учебный материал. Модульная сетка издания построена на

сочетании двух-, трех-, четырех- и шестиколонного набора для того, чтобы учебные тексты, включающие основной, дополнительный, справочно-вспомогательный материал, вписывались в модульную структуру издания.

Тексты набраны без переносов, поэтому была сделана свободная выключка строк по правому краю полосы, что дало равномерные зрительные пробелы между словами. Тексты упражнений и заданий набраны шрифтом гарнитуры Times New Roman (кегель 12), а тексты вопросов акцентированы шрифтом другой гарнитуры – рубленой – и усилены полужирным строчным начертанием (кегель 12). Долгое время в отечественной практике оформления школьных учебников придерживались принципа одногарнитурного оформления. Объяснялось это тем, что у школьников еще слабы орфографические навыки. Принцип единой гарнитуры считался наиболее подходящим еще и потому, он имеет свойство придавать учебному изданию спокойный, строгий вид [3, 5].

Действительно, пользуясь одной гарнитурой шрифта, но в разных кеглях и начертаниях, можно создать достаточное разнообразие заголовков для оформления рубрик. Но учебник будет получаться однообразный, неактивный, а подчас и скучный. Это недопустимо в учебных изданиях для младшего и среднего школьного возраста. Поэтому группой проектантов были разработаны различные внутритекстовые выделения и акцентировки, чтобы обратить внимание учеников на выделенные места и помочь им сориентироваться в тексте и легче его усвоить. Можно сказать, что в конструктивно-функциональном отношении учебник решен достаточно четко. Объектами выделения стали части слов, целые слова, части текста, которые требуют интонационного усиления, – правила, выводы и др. Поэтому для передачи всей гаммы выделений в рассматриваемом учебном издании были использованы шрифты с выделениями (курсивное, полужирное, прописные варианты, разные кегли и гарнитуры шрифтов), а также нешрифтовые выделения (разрядка, изменение формата набора, рамки, графические символы и цветные фоновые плашки) [5, 7].

Структура учебного издания раскрыта через несложную рубрикацию – перечень десяти разделов. Перечень разделов (оглавление) расположен на третьей полосе и набран в две колонки, номера разделов акцентированы красным цветом, который в данном издании носит доминирующий характер. Однополосный репродукционный титульный лист композиционно повторяет обложку. На следующем развороте – «Будем знакомы» – расположен список пиктограмм к соответствующим заданиям, размещены фотографические портреты и графическое изображение детей, основных действующих персонажей, сопровождающих учеников в их образовательном движении или прохождении учебных материалов. Следующие два разворота содержат карту России и галерею портретов классиков и представителей современной русской культуры. Последующий репродукционный шмуцтитул с великолепным изображением Москвы-реки, расположенный на левой полосе, кроме разделительной функции выполняет познавательную и содержательно-смысловую.

Все шмуцтитуты расположены на левых полосах книжных разворотов и проиллюстрированы высококачественными изображениями видов российских городов. Обширный иллюстративный ряд содержит иллюстрации различного характера – научно-познавательные, художественные и др. Все они задуманы с учетом размера и характера воспроизведения, а также в соответствии с архитектурой учебника и с общим ритмическим замыслом дизайн-проекта [8, 9].

Необходимо отметить, что познавательность иллюстраций учебника проявилась в удачно найденных комбинациях разнотипных изображений: сочетание фотографий и условного рисунка – графического, цветного или одноцветного [3, 10, 11].

Завершает книжный ансамбль учебника обложка с фрагментами видов городов, декорированная красным цветом букв названия и объединяющим голубым фоном. Внутритекстовое и внешнее оформление практикума (формат 215×290 мм) и методического руководства для учителя (формат 165×215 мм) полностью соответствуют дизайну всего комплекта.

Выполненный проект «Времена» получил первое место в конкурсе изданий языковых учебников для школьников на ежегодной международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне в 2005 г.

Литература

1. Андреева В.А., Шарафадина К.И. Системный подход в дизайн-проектировании вузовского учебника нового поколения (методология и методика) // Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности. 2015. № 4. С. 143–146.
2. Гончарова Н.А. Основные проблемы оформления советского школьного учебника : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1969.
3. Художественное конструирование и оформление книги / Е.Б. Адамов, В.Я. Быкова, И.Ф. Бельчиков [и др.]; под общ. ред. А.Д. Гончарова. М. : Книга, 1971.
4. Андреева В.А. Дизайн азбук и букварей в России (художественно-техническое оформление азбук и букварей: история и современная практика) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2006.
5. Рывчин В.И. О художественном конструировании учебников. М. : Книга, 1980.
6. Рукопись – художественный редактор – книга: Опыт художественного редактирования издания : сб. ст. / сост. Е.Б. Адамов. М. : Книга, 1985.
7. Исследование учебных книг в гигиеническом отношении и его методика. Доктор А.Ф. Никитин / под ред. проф. Г.В. Хлопина. СПб., 1907.
8. Гессен Л.И. Архитектура книги. М. ; Л., 1931.
9. Гильо Г.Г., Константинов Д.В. Оформление советской книги: Пособие для издательских работников. М. ; Л., 1939.
10. Кузьминский К.С. Иллюстрирование учебной книги 1932 г. Иллюстрация в учебной книге 1932 г. Иллюстрация в стабильных учебниках 1933 г. Инструкция по иллюстрированию учебников / под ред. Н.Г. Алмазова. 2-е изд., доп. и испр. М., 1934.
11. Пахомов В.В. Книжное искусство : [в 2 кн.]. М., 1961–1962. Кн. 1: Замысел оформления; кн. 2: Иллюстрации.

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE SYSTEM DESIGN CONCEPT OF A RUSSIAN LANGUAGE TEXTBOOK FOR POLISH GYMNASIUMS

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2017, 13, pp. 91–98.

DOI: 10.17223/23062061/13/7

Vera A. Andreeva, Saint-Petersburg State University of Technology and Design (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: anyana@mail.ru

Klara I. Sharafadina, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: belkklara@mail.ru

Keywords: Russian as a foreign language (RFL), textbook, system approach, design, communicative system, illustrative series.

The article proves the need for a system approach in the design of a new generation textbook as an open dynamic communication system. The authors substantiate the principle of systematicity and propose a methodology for its implementation, modeling the program of the artistic design of an educational edition. The implementation of the model is shown on the joint publishing project of a Russian language textbook for Polish gymnasiums. The preliminary analysis carried out by an expert group of experienced professional editors, designers and art editors showed that already published books do not have a conceptual orientation dictated by the features of a language textbook structure (Russian or foreign, taking into account the comparative grammar of both languages belonging to the Slavic language group), and also do not have the system integrity of artistic and graphic design.

System analysis of any object is divided into two stages. The first stage is descriptive; the second stage formalizes this description. Applied to the textbook, one of the tasks of the system approach is the development of a kind of design algorithm. This should be interpreted as a certain system of instructions on how a textbook is designed, on what should be done in terms of design to achieve certain goals. In general, the problem can be formulated, firstly, as the identification of system components, its hierarchical levels, subsystems; secondly, as the identification of system-forming properties, connections and relations between the components and the subsystems.

Implemented by the team of specialists from the publishers Drofa (Russia) and WSiP (Poland), the Vremena project won the first prize in the competition of editions of language textbooks for schoolchildren at the annual international book fair in Frankfurt in 2005.

References

1. Andreeva, V.A. & Sharafadina, K.I. (2015) System approach in designing of the new generation University course book. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Tekhnologiya legkoy promyshlennosti – The News of Higher Educational Institutions. Technology of Light Industry*. 4. pp. 143–146. (In Russian).
2. Goncharova, N.A. (1969) *Osnovnye problemy oformleniya sovetskogo shkol'nogo uchebnika* [The main problems of Soviet school textbook design]. Abstract of Art Studies Cand. Diss. Moscow.
3. Adamov, E.B., Bykova, V.Ya., Belchikov, I.F. et al. (1971) *Khudozhestvennoe konstruirovaniye i oformleniye knigi* [The artistic design of the book]. Moscow: Kniga.
4. Andreeva, V.A. (2006) *Dizayn azbuk i bukvarrey v Rossii (khudozhestvenno-tekhnicheskoe oformleniye azbuk i bukvarrey: istoriya i sovremennaya praktika)* [The design of alphabets in Russia (artistic and technical design of the alphabet: History and modern practice)]. Abstract of Art Studies Cand. Diss. St. Petersburg.

5. Rychin, V.I. (1980) *O khudozhestvennom konstruirovaniy uchebnikov* [On the artistic design of textbooks]. Moscow: Kniga.
6. Adamov, E.B. (ed.) (1985) *Rukopis' – khudozhestvennyy redaktor – kniga: Opyt khudozhestvennogo redaktirovaniya izdaniy* [The manuscript – the art editor – the book: Experience of the artistic editing]. Moscow: Kniga.
7. Nikitin, A.F. (ed.) (1907) *Issledovanie uchebnykh knig v gigienicheskom otnoshenii i ego metodika* [The study of the books in terms of hygiene and its methodology]. St. Petersburg: A. Benke.
8. Gessen, L.I. (1931) *Arkhitektura knigi* [Architecture of the book]. Moscow; Leningrad.
9. Gilo, G.G. & Konstantinov, D.V. (1939) *Oformlenie sovetskoy knigi* [Making a Soviet book]. Moscow; Leningrad: [s.n.].
10. Kuzminskiy, K.S. (1934) *Ilyustrirovanie uchebnoy knigi 1932 g. Ilyustratsiya v uchebnoy knige 1932 g. Ilyustratsiya v stabil'nykh uchebnikakh 1933 g. Instruktsiya po illyustrirovaniyu uchebnikov* [Illustrating the educational book in 1932. Illustrations in the educational book in 1932. Illustration in the stable textbooks in 1933. Instruction on the textbook illustration]. 2nd ed. Moscow: [s.n.].
11. Pakhomov, V.V. (1961–1962) *Knizhnoe iskusstvo: [V 2 kn.]* [The Book Art: [In 2 Books]]. Book 1. Moscow: Iskusstvo.

УДК 002 (378)

DOI: 10.17223/23062061/13/8

Ю.А. Ершова

ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЭЛЕКТРОННЫХ УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЙ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация. *Рассматриваются современные вопросы типологии электронных учебных изданий, диктуемые непрерывно развивающимися информационными технологиями. Работа посвящена определению основных типологических критериев современных электронных учебных изданий для высшей школы России и содержит ряд выводов, представляющих практический интерес. Они обосновывают необходимость изменения системы современной стандартизации в сфере электронного книгоиздания и возможность применения экспериментальной типологической модели при каталогизации вузовских ЭБС.*

Ключевые слова: *электронное учебное издание, типология, книговедение, электронная копия оригинального издания.*

Степень научной разработанности темы типологии вузовских электронных изданий в настоящий момент не является достаточно высокой. Данная проблематика освещена (зачастую окказионально) в работах по проектированию и использованию электронных изданий (П.Г. Буга, Л.Г. Варепо, Т.В. Бусыгина и др.), по изучению вузовского издательского репертуара (Л.Г. Тюрина, С.Г. Антонова, Е.П. Шеметова, Н.В. Вишнякова, О.Л. Лаврик, В.А. Глухов и др.). Методологической основой предлагаемой статьи стали работы по теории книги и методологии книговедения (А.А. Беловицкая, А.А. Гречихин, Р.С. Гиляревский, Б.В. Ленский).

По данным исследования Э.Е. Грибковой, есть три фактора, которые оказывают влияние на развитие электронного образования и, соответственно, электронного учебного книгоиздания: рост потока и объема информации, потребность общества в гибких, адаптивных системах образования, глобализация [1. С. 89–90]. С этими факторами тесно сосуществует современное электронное вузов-

ское книгоиздание. Трансформацию издательского репертуара в контексте меняющихся читательских потребностей и форм потребления издательской продукции необходимо обозначить как барометр основных культурных тенденций современного общества.

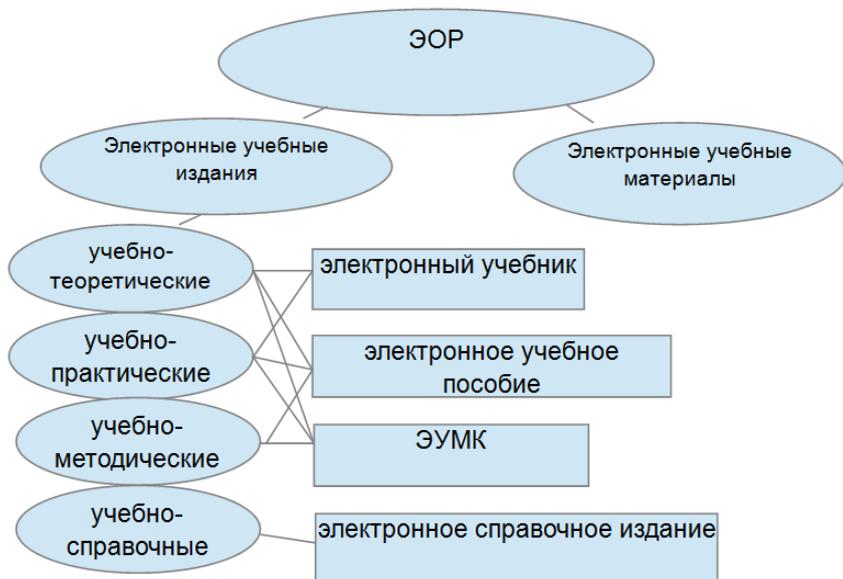
Традиционно ценность книгоиздания в высших учебных заведениях была чрезвычайно высокой: «В каждом вузе книгоиздательский процесс – важнейшая составная часть всего учебного процесса, во многом определяющая качество подготовки специалистов. Уровень вузовского книгоиздания, выпуск печатной продукции влияет на рейтинг вуза», – справедливо указывает А.В. Иванов [2. С. 5]. Но именно выпуск традиционной печатной продукции становится в сфере высшего образования в РФ всё более обременительной статьёй расходов, в то время как переход на выпуск электронных изданий в современных экономических условиях представляется несколько более привлекательной перспективой.

Большая часть рекомендательных положений по типологии, созданию и оформлению учебных электронных изданий освещена в ГОСТе 7.083-2012 «Электронные издания. Основные виды и выходные сведения» [3]. Ранее [4. С. 114–117] мы уже рассматривали и сопоставляли определения из действующего стандарта и ГОСТа 7.83-2001 [5], в которых дефиниции «электронного издания» и «учебного электронного издания» оказались идентичными и базировались на тех же типобразующих признаках (редакционно-издательская обработка, целостность, выходные сведения, границы распространения), что является показателем низкого коэффициента доработки и теоретической переработки, переосмысления и модернизации действующего в сфере электронного книгоиздания ГОСТа.

При анализе существующих систем типологизации электронных учебных изданий мы остановились на трёх основных типах: электронная учебная программа, электронный учебник (как единственное электронное учебное издание, претендующее на некоторую полноту излагаемого материала), электронное учебное пособие. На особом «надтипологическом» месте находятся электрон-

ные учебно-методические комплексы (УМК), которые могут состоять из практической, методической и теоретической частей.

Электронные образовательные ресурсы можно разделить ещё более компактно: на электронные учебные издания и прочие электронные учебные материалы в соответствии с классификацией Л.Л. Босовой, представленной в докладе на пленарном заседании II Всероссийской конференции «Применение ЭОР в образовательном процессе» [6], но дальнейшее разделение электронных изданий в предложенной экспериментальной схеме типологического деления базируется на СТП 1.003-98 [7] и типологических моделях А.А. Гречихина [8. С. 17–18]:

Экспериментальная типологическая модель

Электронные образовательные ресурсы (ЭОР), оформленные в соответствии с критериями государственных стандартов и подпадающие под определения «электронное учебное издание» и «элек-

тронное издание», легко можно отнести к традиционным электронным учебникам, учебным пособиям, УМК. Справочные издания в данной схеме стоят обособленно, но также включают в себя библиографическую литературу, изданную в электронном формате, поэтому данный элемент классификации является неотделимым звеном единства.

В схему введен электронный учебно-методический комплекс, определение которого можно найти также в ГОСТе Р 53620-2009: «Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) – структурированная совокупность ЭОР, содержащих взаимосвязанный образовательный контент и предназначенных для совместного применения в образовательном процессе» [9. С. 2]. Это определение занимает особое положение, объединяя в себе функционал учебника и пособия, а также методических материалов.

Стоит также понимать, что электронный учебник – это ядро электронной образовательной среды, в то время как УМК, на что указывалось выше, находится на более высоком «надтипологическом» уровне, охватывая собой несколько функций электронных учебных изданий. В представленной схеме также отображена категория электронных учебных материалов, под которыми стоит понимать все учебные материалы в электронной форме, не прошедшие необходимую редакционно-издательскую подготовку и не имеющие выходных сведений, обязательных при оформлении электронного издания в соответствии с требованиями ГОСТов. К данной категории можно отнести и различные электронные образовательные ресурсы, и студенческий самиздат, и преподавательские материалы, которые не были оформлены в полноценное издание и существуют в формате рукописи, подборки материалов, методических наработок и т.д.

Данная экспериментальная типологическая модель (как и прочие подобные классификации) не претендует на полноту, так как при составлении типологической модели для учебных электронных изданий следует учитывать и некоторые практические аспекты: тип доступа, новизна и оригинальность по отношению к печатному из-

данию (если оно есть), электронная оболочка (формат), системные требования, природа информации, доминирующей в издании, структура, обновляемость и пр. (см.: об этом подробнее: [4]).

На данный момент большая часть учебных изданий в высшей школе существует в двоякой реальности формы: в традиционной (чаще всего малотиражной) печатной форме и в оцифрованной. Но в 90% случаев оцифрованную форму нельзя отнести к самостоятельному электронному изданию даже по минимальным критериям ГОСТ Р 7.083-2012. Данная оценка вовсе не означает, что оставшиеся 10% самостоятельных университетских ЭИ не нуждаются в чёткой, но гибкой типологической модели.

К сожалению, из-за обилия видотипологических, жанровых и технологических критериев разделения массива электронной учебной литературы составить типологическую модель с ограниченным количеством конечных «вариаций» изданий не представляется вполне осуществимым, так как антропологизация и гуманизация образования вкупе с современными информационными технологиями многократно расширяют спектр творческих решений для каждого автора и издателя вузовской учебной литературы.

От качества электронных учебных изданий для высшей школы также напрямую зависит существование ещё одного явления современного образовательного процесса. Электронные библиотечные системы – тот кластер информационно-образовательной среды, на котором построен основной канал сбыта и обмена информацией по различным дисциплинам. В большинстве случаев доступ к электронным ресурсам образовательных ЭБС построен довольно сложно: либо с компьютера, находящегося в здании университета, либо по специальному паролю и логину, которые можно получить только в вузе. На данный момент есть несколько популярных ЭБС, с которыми многие вузы заключают контракты по использованию («Лань», IPRbooks, «Университетская библиотека онлайн», «Консультант студента»). С точки зрения конечного потребителя информационного контента, существующие системы пользования или активации логина и пароля в ЭБС слишком

сложны. Студенты очно-заочной и заочной форм обучения не всегда имеют возможность использования информационных ресурсов для обучения с университетских компьютеров, что ощутимо ограничивает доступ к учебной литературе у данных групп обучающихся. В противовес официальным ЭБС студенты просто вынуждены создавать «пиратские» библиотеки с открытым доступом.

В сети много ресурсов, а также ЭБС, на которых выкладываются конспекты лекций, учебники, методические рекомендации, работы по различным дисциплинам и прочие учебные материалы (twirpx.com, koob.ru, kodges.ru, yanko.lib.ru, Ихтиотека, alleng.ru). Подобные ресурсы зачастую обладают довольно хаотичной структурой, низкой упорядоченностью и нерегулярной пополняемостью «библиотеки», но с точки зрения посещаемости эти онлайн-хранилища чрезвычайно популярны.

К сожалению, такой студенческий «онлайн-самиздат» из-за наличия «пиратского» контента находится в группе риска. Не стоит забывать о недавних решениях Мосгорсуда о закрытии некоторых «пиратских» ресурсов (Флибуста, knigian.net, loveread.ws, bugabooks.com, rutracker.org) в соответствии с новыми поправками в «антипиратский» закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ [10. С. 90–91]. Вполне возможно, что студенческие ЭБС также в скором времени будут ликвидированы из-за нарушений авторских прав.

ЭБС и массовое распространение электронных изданий в вузовской среде – это только одна из тенденций на пути становления наряду с традиционными вузовскими структурами виртуальных университетов. Принцип адаптивного обучения, рост потока информации и глобализация играют в данных процессах не последнюю роль. Именно поэтому так важна разработка единой типологической модели электронных учебных изданий для высшей школы.

Современные электронные вузовские учебники могут кардинально отличаться как по формату (от .pdf до .lit и .java), так и по платформе и, соответственно, устройству воспроизведения, на котором их можно использовать (ПК, планшет, смартфон, ридер). Они могут располагать мультимедийным контентом (например,

флэш-анимация, видео в формате html), их можно разделять и по структуре самого издания на более книгоподобные или на новаторские учебники-приложения или курсы-приложения (например, «Механика сплошных сред», «Теория поля», «Оптика» от МФТИ, «Русистика» Максима Матвеева от СПбГУ и др.). Всё разнообразие существующих электронных учебных изданий нуждается не только в должным образом проработанной типологической модели, учитывающей как существующие виды и типы изданий, так и ещё не применяемые широко, возможно, даже существующие только в зачаточном состоянии новые их типы, виды и формы подачи образовательного контента. Такой подход может показаться сложным, но решение проблем типизации и стандартизации, а в перспективе – каталогизации и библиографирования, должно быть комплексным и своевременным.

Литература

1. Библиотека и читатель: диалог во времени: сб. науч. тр. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-я Рос. акад. наук. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2014. 364 с. (Труды ГПНТБ СО РАН. Вып. 7).
2. *Иванов А.В.* Информационные управленческие технологии в издательской деятельности. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. 187 с.
3. ГОСТ Р 7.083-2012. СИБИД. Электронные издания Основные виды и выходные сведения. Введ. 07.01.2013. М. : Стандартинформ, 2012. 21 с.
4. *Ершова Ю.А.* Проблемы типологии электронных учебных изданий для вузов России // Вестник СПГУТД. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2016. № 3. С. 114–117.
5. ГОСТ 7.83-2001. СИБИД. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. Введ. 2002.07.01. Минск : Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 2002. 15 с.
6. *Босова Л.Л.* Типология электронных образовательных ресурсов как основополагающего компонента информационно-образовательной среды. URL: <http://msk.ito.edu.ru/2012/section/188/95548> (дата обращения: 12.08.2016).
7. СТП 1.003-98 Система вузовской учебной документации. Виды вузовских учебных изданий. Термины и определения // Гендина Н.И. Нормативно-методическое обеспечение учебного процесса в вузе. Стандарты высшего учебного заведения. Кемерово, 2002. 21 с.
8. *Грещихин А.А., Дреес Ю.Г.* Вузовская учебная книга: типология, стандартизация, компьютеризация. М. : Логос, 2000. 254 с.

9. ГОСТ Р 53620-2009. СИБИД. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Электронные образовательные ресурсы. Общие положения. Введ. 01.01.2011. М. : Стандартинформ, 2011. I-IV + 1–5 с.

10. Книжный рынок России. Состояние, тенденции, перспективы развития. Отраслевой доклад / под общ. ред. В.В. Григорьева. М. : Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2016. 101 с.

APPROACHES TO THE CONSTRUCTION OF A TYPOLOGICAL MODEL OF ELECTRONIC EDUCATIONAL PUBLICATIONS FOR HIGHER EDUCATION

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2017, 13, pp. 99–107.

DOI: 10.17223/23062061/13/8

Yulia A. Ershova, Higher School for Printing and Media Industry of the Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: y.a.ershova@gmail.com

Keywords: ebook, typology, bibliography, electronic copy of original edition.

The relevance of the article is to consider modern issues of the typology of electronic educational publications dictated by continuously developing information technologies. This research is devoted to the determination of basic typological criteria of modern ebooks for Russian higher education. The article is executed on a high academic level, contains a number of conclusions of practical interest. The conclusions show the need to change the system of modern standardization in the field of electronic book publishing, the possibility of applying an experimental typological model in the cataloging of high school ELS and the need to apply new typological criteria in practice. The article also briefly lists modern Russian electronic library systems that digitize research articles and materials. The new typological model unites the approach reflected in state standards with the works of scholars and book experts. On the basis of the study, the author proposes to take into account the special position of electronic educational publications for higher education in further research on the identification of typological criteria and in the modernization of existing standards of SIBID state standards, as well as in the cataloging of modern university ELS.

References

1. Artemieva, E.B. & Lyutov, S.N. (eds) (2014) *Biblioteka i chitatel': dialog vo vremeni* [The library and the reader: The dialogue through the time]. Novosibirsk: SB RAS.

2. Ivanov, A.V. (2003) *Informatsionnye upravlencheskie tekhnologii v izdatel'skoy deyatel'nosti* [Information management technologies in publishing]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

3. *State Standard R 7.083-2012*. SIBID. Electronic publications. The main types and output information. Enacted 07/01/2013. Moscow: Standartinform.

4. Ershova, Yu.A. (2016) Problems of typology of electronic educational publications for Russian universities. *Vestnik SPGUTD. Seriya 2. Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki – Vestnik of St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. Series 2. Art History. Philology*. 3. pp. 114–117. (In Russian).

5. *State Standard 7.83-2001*. SIBID. Electronic publications. Basic types and imprint. Enacted 2002.07.01. Minsk: The Interstate Council for Standardization, Metrology and Certification.

6. Bosova, L.L. (2012) *Tipologiya elektronnykh obrazovatel'nykh resursov kak osnovopolagayushchego komponenta informatsionno-obrazovatel'noy sredy* [Typology of electronic educational resources as a fundamental component of the information and educational environment]. [Online] Available from: <http://msk.ito.edu.ru/2012/section/188/95548/>. (Accessed: 12th August 2016).

7. Enterprise Standard 1.003-98. The system of university education records. Types of high school textbooks. Terms and definitions. In: Gendina, N.I. *Normativno-metodicheskoe obespechenie uchebnogo protsessa v vuze. Standarty vysshego uchebnogo zavedeniya* [Regulatory and methodological support of educational process in high school. Institution of higher education standards]. Kemerovo: Kemerovo State Institute of Arts and Culture.

8. Grechikhin, A.A. & Drevs, Yu.G. (2000) *Vuzovskaya uchebnaya kniga: tipologiya, standartizatsiya, komp'yuterizatsiya* [The university educational book: Typology, standardisation and computerisation]. Moscow: Logos.

9. *State Standard R 53620-2009*. SIBID. Information and communication technologies in education. Electronic educational resources. General provisions. Enter. 01/01/2011. Moscow: Standartinform.

10. Grigoriev, V.V. (ed.) (2016) *Knizhnyy rynek Rossii. Sostoyanie, tendentsii, perspektivy razvitiya. Otrasleyvy doklad* [The Russian Book Market. Status, trends, development prospects. An industry report]. Moscow: Federal'noe agentstvo po pechati i massovym kommunikatsiyam.

УДК 655.5 (334)

DOI: 10.17223/23062061/13/9

А.О. Теплякова

ПРИМЕНЕНИЕ КРАУДФАНДИНГА В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ

***Аннотация.** Статья посвящена применению технологии коллективного финансирования – краудфандинга – в сфере издательских проектов. Рассматривается схема реализации книжного проекта на краудфандинговых платформах. На основе анализа схемы приводятся преимущества и недостатки данной формы в сравнении с традиционными способами финансирования.*

Ключевые слова: финансирование культурных проектов, издательский проект, краудфандинговые платформы, коллективное финансирование.

В современном обществе всё больше возрастает роль информационных технологий, под их влиянием происходят изменения в издательской сфере. С одной стороны, неуклонно снижается интерес к чтению, что приводит к падению тиражей печатной продукции. С другой стороны, в условиях кризиса не только книжной отрасли, но и российской экономики в целом издательства претерпевают структурные изменения. Названные факторы актуализируют поиски альтернативных путей и способов финансирования издательских проектов. Одним из таких способов является «краудфандинг», или «народное финансирование».

Впервые понятие «краудфандинг» появилось в статье американского журналиста Джефа Хау в 2006 г., опубликованной в журнале «Wired». Краудфандинг является видом краудсорсинга, который, в свою очередь, предполагает передачу каких-либо производственных задач или значимых решений добровольцам.

Термин краудфандинг (от англ. «crowd funding» – народное финансирование) предполагает коллективное сотрудничество разных людей (доноров), добровольно объединяющих свои ресурсы для финансирования или поддержки других людей (реципиентов). Данный процесс осуществляется посредством сети Интернет. Та-

ким образом, краудфандинг является одним из способов финансирования наравне с венчурными фондами, банковскими кредитами и субсидированием бизнес-ангелами.

История развития краудфандинга в России началась в 2010 г. с создания соответствующих Интернет-платформ; взрыв интереса у российских интернет-пользователей к данным ресурсам пришёлся на 2013 г. На сегодняшний день на одной из самых популярных краудфандинговых площадок «Boomstarter» зарегистрировано 116 120 спонсоров¹, готовых проинвестировать проекты.

Следует отметить, что в Рунете функционирует целый ряд интернет-площадок, которые в зависимости от характера проекта можно условно разделить:

- на благотворительные («Электронный благотворительный ящик»);
- социальные («Русини», «Мой учитель», «Together»);
- творческие («Planeta», «Kroogi», «CrowdRepublic», «Сбор-ник»);
- универсальные («Boomstarter.ru», «С миру по нитке»).

Издательские проекты в основном размещаются на площадках Boomstarter [1] и Planeta [2]. Общая схема реализации книжного проекта на краудфандинговой платформе представлена ниже.

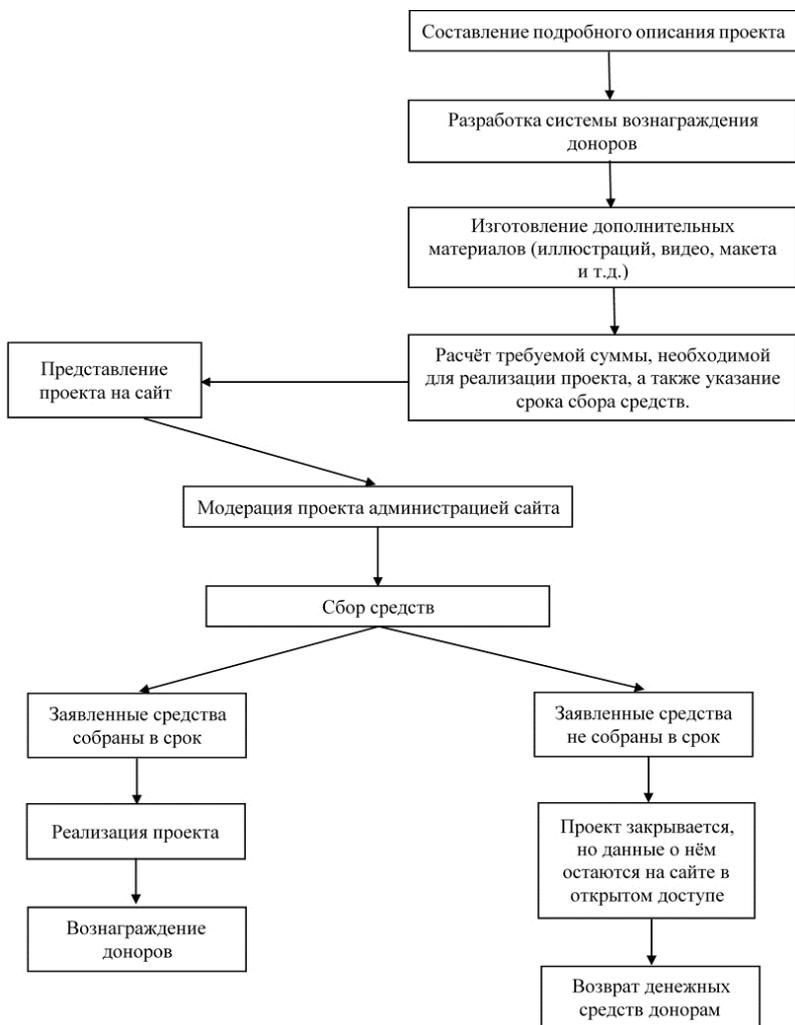
На первом этапе автору (или авторам) проекта необходимо наиболее полно описать его концепцию, достоинства и причины, по которым его необходимо профинансировать. Поскольку фактически проект является «котом в мешке», донору важно представлять, во что он вкладывает свои деньги и что он получит на выходе. Другими словами, текст должен стимулировать донора проинвестировать проект.

На втором этапе автору важно продумать систему вознаграждения, т.е. того, что донор получит за вложение той или иной суммы средств. По замечанию Д.А. Ильенкова, «система вознаграждения прекрасно зарекомендовала себя как эффективный инструмент сбора средств на любые проекты, начиная от креативных и закан-

---

¹ Состояние на 28.01.2015 [1].

чивая сложными технологическими продуктами <...> Вознаграждение является своего рода стимулом, вызывающим интерес спонсоров и побуждающим их поддерживать авторские идеи. Размер награды зависит от объема перечисленных средств» [3].

На третьем этапе автор может разместить уже готовые материалы для издания. Это могут быть иллюстрации, готовый макет, видеоматериалы с обращением к читателям. Следует отметить, что третий этап не является обязательным, но в издательских проектах его выполнение может способствовать продвижению продукта и привлечению дополнительных средств. Важно также, что по мере функционирования проекта автор может расширять контент.

На четвертом этапе необходимо точно просчитать, сколько средств потребуется для осуществления проекта. Помимо основных средств, которые уходят на печать, редакционно-издательскую подготовку, необходимо учитывать процент, взимаемый самой краудфандинговой платформой, налог на доход с физических лиц, комиссию платёжных систем за совершение транзакционных операций, а также почтовые издержки за доставку.

Безусловно, на каждом этапе есть свои особенности, которые зависят от вида издания.

После размещения всех данных на краудфандинговой платформе начинается этап, не зависящий от учредителя проекта напрямую. Однако на этом его действия не должны заканчиваться, поскольку, как отмечает менеджер проектов платформы Boomstarter, «проект должен быть качественно оформлен. На краудплощадках для этого есть необходимый инструментарий: можно загружать изображения, видео, музыку, которые создадут нужную атмосферу <...> Но каким бы хорошим ни было оформление, важно продвигать проект: аудитория друзей, знакомых и поклонников рано или поздно себя исчерпает» [4]. Таким образом, важно самостоятельно заниматься продвижением проекта через другие каналы в сети Интернет, так как большинство переходов на страницу проекта осуществляется по прямым ссылкам с внешних сайтов.

Донор может проинвестировать проект как на безвозмездной основе, так и с вознаграждением. В случае с книжными проектами, вознаграждением, как правило, выступает готовый экземпляр книги в электронном или бумажном формате. Помимо этого, учредители проекта могут предоставлять дополнительные возможности вознаграждения в

виде оригиналов иллюстраций, помещенных в издании, экземпляра с автографом автора, упоминанием имени донора в издании, приглашением на презентацию книги или творческий вечер и т.д.

Характерно, что инициаторами книжных проектов могут выступать как издательства, так и непосредственно сами авторы. Каждый из них преследует разные цели: издательства видят в системе краудфандинга отлаженный механизм распространения книги ещё до её создания. Кроме того, маркетологи издательств отмечают, что краудфандинговые площадки позволяют стать ближе к читателям и с их помощью можно определить потребности аудитории и проанализировать, верно ли выбраны целевые группы определённых изданий. Помимо этого, можно отследить, какие проекты имеют популярность и высокий уровень финансирования для формирования издательских проектов в перспективе.

Что касается авторов, то их цель – привлечь внимание к своему творчеству, собрать деньги на издание книги. Поэтому краудфандинговые площадки в настоящее время становятся практически единственным возможным способом неизвестному автору издать свою книгу.

Интересно то, что к данному способу финансирования могут прибегнуть не только неизвестные авторы, но и популярные. Так, например, популярный писатель-фантаст Ник Перумов в 2013 г. на платформе Boomstarter самостоятельно разместил свой проект, в котором предлагал приобрести электронную версию повести «Лемех и Борозда». Описание проекта начиналось со слов «Традиционное книгоиздание в тупике. Всё больше читателей высказывает желание “вести дело непосредственно с автором, а не с посредниками”. Ваш покорный слуга предлагает своим читателям самим приобрести непосредственно у него повесть “Лемех и Борозда”» [5].

Психологический прием непосредственного обращения, приблизивший автора к потенциальным читателям, себя оправдал, став удачным рекламным ходом, о чём свидетельствует показатель выполнения проекта, превышенный на 131%.

Анализируя представленные проекты неизвестных авторов, можно сказать, что часть авторов продолжает традицию самиздата,

собирая деньги исключительно на печать книги, обходя этап ред-подготовки. Другая часть авторов, напротив, желает выпустить свою книгу в профессиональном издательстве. Существует и третий вариант, когда с помощью профессиональных издательств создается макет будущей книги, полностью прошедший редакционно-издательскую обработку ранее за счёт средств автора, и собираются средства на его печать. Однако такие случаи единичны.

Издательства, обращающиеся к краудфандингу (например, такие ведущие, как «АСТ», «Манн, Иванов и Фербер», «Livebook» и др.), размещая проект, уже имеют полностью разработанный макет книги, прошедший все редакционно-издательские этапы, исключая последний – печать тиража.

Как и любая технология, краудфандинг имеет преимущества и недостатки. В таблице представлены результаты сравнительного анализа краудфандинга с традиционным финансированием.

Преимущества	Недостатки
Привлечение широкой аудитории, расширение географических рамок как среди самих авторов проектов, так и среди читателей	Финансовые риски для доноров в случае, если проект окажется неуспешным: не соберёт указанную сумму для реализации (тем не менее здесь риски ниже, чем при традиционном финансировании, так как «разделяются» многими участниками)
Решение вопроса о рекламе книги и последующей реализации тиража	Отсутствие правового поля в РФ для регулирования отношений, возникающих в рамках краудфандинга
Простота и доступность использования	Низкий уровень доверия российских интернет-пользователей к новым технологиям и электронным системам расчёта
Возможность непосредственного контакта с читателями	
«Приближение» автора к читателю, возможность установления новых связей между ними, когда потенциальный читатель становится участником процесса создания книги	

Приведённые результаты показывают, что краудфандинговая платформа предоставляет автору широкие возможности. Помимо основной цели – сбора средств, параллельно осуществляется реклама книги и заранее решается вопрос о распространении тиража. Также автор имеет возможность прямого контакта с читателями, может выявить запросы аудитории. Большинство недостатков связано с внешними факторами – правовым и социально-психологическим, которые впоследствии, на наш взгляд, могут разрешиться.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что технология краудфандинга является перспективным альтернативным источником финансирования культурных проектов, а пути ее реализации требуют дальнейшей разработки и изучения.

Литература

1. URL: <https://boomstarter.ru/>
2. URL: <https://planeta.ru/>
3. Ильенков Д.А. Краудфандинг: модели вознаграждения участников // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 11. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/11/6144> (дата обращения: 21.05.2015).
4. Книжный краудфандинг по-русски // Университетская книга. URL: <http://www.unkniga.ru/innovation/tehnology/3677-knizhnyy-kraudfanding-po-russki.html> (дата обращения: 21.05.2015).
5. Boomstarter. URL: https://boomstarter.ru/projects/51681/lemeh_i_borozda

APPLICATION OF CROWDFUNDING IN PUBLISHING

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2017, 13, pp. 108–115.

DOI: 10.17223/23062061/13/9

Anastasia O. Teplyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: castalia@inbox.ru

Keywords: financing of cultural projects, publishing project, crowdfunding services, collective financing.

The article describes the application of the collective financing technology “crowdfunding” in the publishing field. It is focused on publishing projects placed on two of the most popular Russian Internet platforms Boomstarter and Planeta. This theme actualizes the current crisis of reading and publishing in general, decreasing circulations of printed products and the national economic crisis. All these factors lead to the search

for alternative forms of financing. The necessity of the issue investigation is also confirmed by the lack of the research on crowdfunding in the publishing sphere. The aim is to identify the specifics of crowdfunding as a form of project financing in the sphere of publishing in present socio-economic conditions. In the research the principles of the publishing project functioning on a crowdfunding platform are considered, characteristics of projects and categories of project authors are identified, crowdfunding is also compared with traditional forms of financing. The results can be summarized in the following theses. Firstly, placing a project on a crowdfunding platform claims a detailed description, a system of member greeting, additional materials (illustrations, videos, etc.), the required amount of money for project implementation and promotion on the Internet. A project can have a positive or a negative result, depending on whether the claimed funds were collected on time. Secondly, there can be both the publisher and the author, popular or unknown, directly among authors of projects. Thirdly, book projects are placed in the “ready-made” condition and require funding for the print edition, or are placed only as a “concept” and text that requires full funding of all the phases of editing and publishing preparation. Finally, in addition to raising funds on the platform, the book is simultaneously advertised, and the question of the distribution of circulation is pre-settled, which is a great advantage over traditional forms of financing in the current conditions of publishing. However, the authors identify a range of problems connected with financial risks in case the project is not successful; among them are the absence of a legal framework in Russia to regulate relations within crowdfunding and a low level of trust of Russian Internet users to new technologies and electronic systems of calculation. Mechanisms of implementation of a successful project are most promising for a further study of the theme.

References

1. Boomstarter. ru. (n.d.) *Russian Crowdfunding Platform* [Online] Available from: <https://boomstarter.ru/>.
2. Planeta.ru. (n.d.) [Online] Available from: <https://planeta.ru/>.
3. Ilyenkov, D.A. (2014) Crowdfunding: backers' reward models. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologiy – Economics and innovations management*. 11. [Online] Available from: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/11/6144>. (Accessed: 21st May 2015). (In Russian).
4. Melnikov, L. et al. (2014) *Knizhnyy kraudfanding po-russki* [Russian-style book crowdfunding]. [Online] Available from: <http://www.unkniga.ru/innovation/tehnology/3677-knizhnyy-kraudfanding-po-russki.html>. (Accessed: 21st May 2015).
5. Boomstarter.ru. (n.d.) *Izдание povesti Lemekh i Borozda* [Edition of the short novel “Plowshare and Furrows”]. [Online] Available from: https://boomstarter.ru/projects/51681/lemekh_i_borozda.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Вера Александровна – кандидат искусствоведения, член Союза художников РФ, доцент кафедры истории и теории дизайна и медиакоммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

E-mail: anyana@mail.ru

Буданова Ирина Борисовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: irinabudanova@hotmail.com

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета.

E-mail: kaf_idir@utmn.ru

Ершова Юлия Александровна – аспирант Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета (МГУП им. И. Федорова).

E-mail: y.a.ershova@gmail.com

Есипова Валерия Анатольевна – доктор исторических наук, зав. сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: esipova_val@mail.ru

Жилякова Эмма Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: emmaluk@yandex.ru

Исабекова Улдар Келдибековна – кандидат филологических наук, докторант МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки.

E-mail: isabekovauldar@mail.ru

Серягина Юлия Сергеевна – аспирант кафедры романо-германской филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: seriagina@gmail.com

Сумцова Ольга Витальевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков физико-технического института Томского политехнического университета, аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: olgasumtsova0205@mail.ru

Теплякова Анастасия Олеговна – магистрант Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: castalia@inbox.ru

Шарафадина Клара Ивановна – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

E-mail: belkaklara@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) её краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском/немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:

- английский вариант инициалов и фамилии автора;
- перевод названия своей организации;
- перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– учёная степень, учёное звание;

– должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего оформляется и подаётся три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне¹.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение её состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

---

¹ По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал
ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ
TEXT. BOOK. PUBLISHING

2017. № 13

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр

Подписано в печать 17.04.2017 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 7,5; усл. печ. л. 6,9.

Тираж 500 экз. Заказ № 2483. Цена свободная

Дата выхода в свет 28.04.2017 г.

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru